

© 2008 г.

В.В. СОКОЛОВ

С.Л. ТИХВИНСКИЙ – ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Это почетное звание было присвоено Чрезвычайному и Полномочному послу Сергею Леонидовичу Тихвинскому в числе первых выдающихся российских дипломатов 11 ноября 2000 г. Указом Президента Российской Федерации. Столь важному событию в жизни С.Л. Тихвинского предшествовала длительная работа на различных постах дипломатического поприща. В ней было немало трудностей, но имелись и большие возможности для знакомства с историей различных народов и государств. Редкий случай, дипломатическая деятельность С.Л. Тихвинского так гармонично сливалась с его научной работой, что их порой трудно отделить одну от другой. Любопытный штрих – даже кандидатскую и докторскую диссертации он писал, в основном находясь за рубежом.

На дипломатическую стезю Тихвинский вступил очень рано, не успев закончить высшее образование. В предвоенные годы Наркоминдел в результате неоправданных "чисток" растерял квалифицированные кадры и вынужден был привлекать молодых специалистов к переводу документов на иностранных языках.

"Боевое крещение" на дипломатическом поприще С.Л. Тихвинского состоялось в 20-летнем возрасте во время приема И.В. Сталиным в мае 1939 г. видного китайского политического и государственного деятеля, сына Сунь Ятсена, председателя законодательного юаня Китая Сунь Фо.

Сталин любил импровизировать и принял Сунь Фо не в своем кабинете, а в кабинете В.М. Молотова в Кремле, который был в то время не только главой советского правительства, но с 3 мая 1939 г. и наркомом иностранных дел СССР.

В приемной Молотова Тихвинский встретил прибывшего китайского гостя, который оказался невысоким полным китайцем в очках. "На мою робкую попытку представиться ему по-китайски, – вспоминал Тихвинский, – Сунь Фо ответил вопросом, знаю ли я английский. Получив утвердительный ответ, он пояснил, что с детства воспитывался за границей и знает лишь кантонский (гуандунский) диалект, который не понимает даже подавляющее большинство китайцев"¹. Так что первый дебют китайста Тихвинского в качестве переводчика состоялся на английском языке. А переводить надо было, даже подумать страшно в то время, самому "вождю" в присутствии В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна и первого заместителя наркома В.П. Потемкина.

Потемкин, окончивший в свое время Московский университет и даже преподававший иностранный язык в гимназии еще до революции, а затем проработавший 15 лет

Соколов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, почетный работник МИД России, Чрезвычайный и полномочный посланник в отставке.

¹ *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. Кн. 5. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006, с. 174.

за границей, в том числе в качестве полпреда в трех странах Европы, прекрасно понимал трудности молодого стажера и в необходимых случаях приходил ему на помощь.

Сунь Фо в состоявшейся беседе с советскими руководителями выразил глубокую признательность своего правительства и народа сражающегося Китая за всестороннюю помощь в отражении японской агрессии, особенно отметив самоотверженный ратный труд советских военных советников и летчиков-добровольцев. Осветив обстановку на фронтах антияпонской войны, которая складывалась неблагоприятно для Китая, он сообщил, что китайское правительство вынуждено было эвакуироваться в глубь страны, в город Чунцин.

В ходе беседы Сунь Фо просил значительно увеличить объем советских военных поставок и передал список необходимых Китаю видов вооружения: самолетов, танков, горючего и транспортных средств. К этому времени по двум контрактам от 1 марта и 1 июля 1938 г. на 100 млн. долл. Советский Союз уже поставил Китаю 477 самолетов, 82 танка, 725 орудий, 3825 ручных и станковых пулеметов, 700 автомашин, а также авиационные моторы, снаряды, патроны и др. Об этом напомнил присутствовавший на беседе нарком внешней торговли Микоян.

Когда речь зашла о путях доставки необходимых грузов, поскольку уже 11–12 мая 1939 г. японо-маньчжурские воинские части нарушили границу МНР и путь через Монголию был затруднен, Сталин встал и, потянув за шнур у противоположной стены, опустил большую физическую карту Центральной и Восточной Азии. По ходу беседы, рассуждая о наиболее эффективных путях доставки вооружения и других материалов в Китай, он несколько раз обращался к карте и даже поинтересовался мнением Сунь Фо о возможности строительства железной дороги, соединяющей Среднюю Азию через китайскую провинцию Синьцзян с Ланьчжоу в провинции Ганьсу. (Эта идея была осуществлена Россией и Китаем только в конце XX в.)

В заключение Сталин сказал, пишет Тихвинский, что все заявки на материальное снабжение будут подробно рассмотрены в Наркомате внешней торговли Микояном, которому правительство поручило подготовить проект торгового договора с Китаем и соглашения о новых кредитах².

Во исполнение поручения Сталина внешнеторговые и военные органы активизировали советско-китайские переговоры, и 13 июня 1939 г. Микоян и Сунь Фо подписали договор о реализации кредита, предоставленного Советским Союзом Китаю на сумму в 150 млн. долл.³ В результате осуществления этого договора Советский Союз смог поставить в Китай с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение⁴.

Приводя позже в своей работе уточненные цифры, Сергей Леонидович писал о советских поставках в Китай 1235 самолетов, 1600 артиллерийских стволов, большом количестве грузовиков. Эти военные грузы доставлялись в Китай по трудной авто-трассе протяженностью свыше 2700 км, проходившей по пустынной и горной местности. На трассе было задействовано свыше 5 тыс. грузовых машин, обслуживающихся советским персоналом. К середине февраля 1939 г. в Китае находилось 3665 советских военных специалистов, помогавших китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками⁵. Многие из них погибли.

В ГЕНКОНСУЛЬСТВЕ В УРУМЧИ (СИНЬЦЗЯН)

Участие Тихвинского в советско-китайских переговорах на самом высоком уровне предопределило направление его дальнейшей работы. 1 октября 1939 г. он вылетел с

² Тихвинский С.Л. Китай в моей жизни (30–90 гг.). М., 1992, с. 16–17.

³ Документы внешней политики. 1939 год, т. XXII, кн. 1–2. М., 1992, кн. 1, с. 461–464.

⁴ Там же, кн. 2, с. 508.

⁵ Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен. М., 2005, с. 373.

Центрального аэродрома Москвы, находившегося тогда у станции метро "Аэропорт", в г. Урумчи, главный город китайской провинции Синьцзян, где находилось советское генконсульство.

Аппарат генконсульства был довольно большой, поскольку в этой провинции находилось много командированных советских специалистов, которые осуществляли оказание экономической и военной помощи Китаю. По соглашениям с местными властями Синьцзяна Советский Союз начал строительство под видом "сельскохозяйственной фабрики" авиасборочного завода в 40 км от Урумчи, а также развернул добычу нефти на открытом советскими геологами месторождении нефти и строительство нефтеперегонного завода в Тушанцзе. В г. Кульдже была создана летная школа, оснащенная советскими самолетами и обеспеченная опытными инструкторами, которые готовили летчиков не только для потребностей провинции, но и для центрального правительства Китая⁶. Помощь Китаю была засекречена, чтобы не осложнять международное положение СССР.

В курс дела С.Л. Тихвинского ввел исполняющий обязанности генконсула И.Х. Овдиенко (впоследствии профессор географического факультета МГУ), который хоть и проработал только полгода, но уже почувствовал всю сложность политической обстановки в Синьцзяне.

В провинции в то время проживало только около 5% китайцев, которые занимали руководящие посты. Большую же часть населения составляли уйгуры, дунгане, казахи, монголы и другие народности, исповедующие ислам, которые дважды в 30-е годы поднимали восстания против китайских властей. Не обошлось здесь и без подстрекательства британских спецслужб, которые фактически поддерживали Японию в ее политике по расчленению Китая.

Военный губернатор (дубань) Синьцзяна генерал Шэн Шицай, которому Советский Союз в какой-то мере помог в начале 30-х годов прийти к власти, поддержав его в борьбе против мусульманских сепаратистов, открыто провозглашал дружбу с СССР, допуская на некоторые руководящие посты в провинциальной и местной администрации членов компартии Китая, в том числе и Мао Цзэмина, брата Мао Цзэдуна, дистанцируясь в определенной степени от реакционного центрального правительства Чан Кайши. В 1938 г. он совершил поездку в Москву и встретился с представителями советского руководства, поставив даже вопрос о его приеме в компартию. Но его просьба не встретила понимания. Некоторые считали его даже японским агентом.

Со второй половины 1939 г., т.е. после разгрома японцев в Монголии на реке Халхин-Гол, политическое положение в Синьцзяне стало постепенно ухудшаться, начались аресты среди левых деятелей. Шэн Шицай открыто перешел к диктаторским формам правления. Даже появление его в генконсульстве, по свидетельству Тихвинского, оформлялось как военная операция, когда машину дубаня сопровождали десятки вооруженных бойцов с оружием на изготовку. По данным американского исследователя О.Э. Клаба, всего в Синьцзяне за время пребывания у власти Шэн Шицай было репрессировано более 100 тыс. человек, многие из которых погибли⁷.

Но об этом Тихвинский узнал позже, а тогда он с большим интересом посетил, кроме Урумчи, еще ряд городов – Шихо, Манас, Карашар и Турфан, – встретился с представителями многонациональной общечественности, включая китайцев, с которыми впервые мог попрактиковаться в китайском разговорном языке. В поездках по провинции, особенно вдоль дороги от Урумчи на восток в сторону Хами и Ланьчжоу, ему доводилось видеть бесконечные караваны верблюдов, перевозивших в западных жестяных банках советский авиационный бензин, а также колонны советских грузовых машин с военной техникой.

⁶ *Clubb O.E.* China and Russia. The Great Game. New York – London, 1971, p. 320.

⁷ *Ibid.*, p. 330.

Первое пребывание Тихвинского в Синьцзяне продлилось полтора месяца. Весной 1940 г. он совершил уже двухмесячную поездку в эту западную провинцию Китая и убедился, как быстро меняется там политическая ситуация: любое инакомыслие и даже простое подозрение на неодобрение режима диктатора каралось тюремным заключением и даже казнью. По требованию Шэн Шицай Овдиенко был вынужден покинуть Урумчи как "враг советского народа". Сменивший его на посту генконсула в июле 1940 г. И.Н. Бакулин был также обвинен дубанем в антисоветской деятельности. Потребовалось вмешательство Молотова, чтобы защитить Бакулина⁸. Но это было несколько позже.

А тогда Тихвинский, временно исполняя обязанности вице-консула, продолжал знакомиться с жизнью и деятелями провинции, совершив вместе с Бакулиным перелет из Урумчи через Кашгар в Хотан. Оттуда на открытых "газиках" они отправились в Керию. Затем через Яркенд вернулись в Кашгар, насмотревшись на пески пустыни Такламакан и на вечные снега северных отрогов Гиндукуша⁹. Тихвинский в поездке, встречаясь с людьми, совершенствовал навыки перевода устной речи.

Возвратившись в Москву, он сдал экстерном экзамены и, окончив китайское отделение Московского института востоковедения, стал полноправным сотрудником Наркоминдел, успев получить высшее образование до начала Великой Отечественной войны.

Осенью 1941 г. наркомат иностранных дел, как и многие другие советские учреждения, был эвакуирован. Он разместился в г. Куйбышев (ныне Самара), куда временно переехали посольства и миссии иностранных государств. Тихвинскому, сдавшему вступительные экзамены в аспирантуру, пришлось отложить до лучших времен работу над кандидатской диссертацией. Небольшая часть аппарата во главе с Молотовым осталась в Москве. В Куйбышеве наркоматом руководил его заместитель А.Я. Вышинский. Конечно, это создавало большие неудобства в работе, когда приходилось "мотаться" между Москвой и Куйбышевом в условиях строгого режима военного времени и транспортных трудностей.

Тихвинский, временно прикомандированный к протокольному отделу, дважды весной 1942 г. выезжал на фронт, сопровождая сначала монгольскую делегацию во главе с вице-премьером МНР Лубсаном, а затем тувинскую делегацию во главе с генеральным секретарем Тувинской народной партии С. Тока. Поездки на фронт, несмотря на все предосторожности с точки зрения обеспечения безопасности иностранных делегаций, не были увеселительной прогулкой. "Едва мы успели войти в дом, – вспоминает Тихвинский, – как немецкий самолет неожиданно на бреющем полете пролетел над нашей избой и пулеметной очередью повредил еще не успевшую отъехать от дома автомашину"¹⁰. И это не было чем-то необычным. При очередном выезде на фронт с иностранными корреспондентами в сентябре 1943 г. погибли, подорвавшись на mine, ответственные дипломатические работники отдела печати НКВД М.К. Васев и В.В. Кожемяко.

Весной 1943 г. Тихвинскому самому довелось увидеть руины прославленного Сталинграда, когда он сопровождал американского посла в СССР У. Стэндли, пожелавшего посмотреть на город – легенду Второй мировой войны.

16 сентября 1943 г. заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов, ведавший кадрами НКВД, обратился с письмом, как тогда было принято, к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой утвердить С.Л. Тихвинского в должности 2-го секретаря посольства СССР в Китае. Предварительный разговор с ним был и в отделе

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 06, оп. 4, п. 21, д. 222, л. 69, 137–139.

⁹ Тихвинский С.Л. Избранные произведения, т. 5, с. 177.

¹⁰ Там же, с. 182.

кадров, и в отделе Дальнего Востока. Он дал согласие. Но текущие дела Наркоминдела несколько отсрочили его выезд в Китай.

19–30 октября 1943 г. в Москве впервые состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на которой рассматривались возникающие в ходе войны вопросы более тесного сотрудничества союзных держав. В частности, были подписаны декларации о всеобщей безопасности, об обращении с Италией, часть территории которой была уже освобождена англо-американскими войсками, о предоставлении независимости Австрии и об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления.

С.Л. Тихвинский, выполняя протокольные функции, активно участвовал в работе секретариата конференции: встречал и организовывал культурную программу иностранных гостей, прежде всего государственного секретаря США К. Хэлла, министра иностранных дел Великобритании А. Идена.

В последний день конференции министры трех стран пригласили для подписания Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности в особняк НКВД на улице Алексея Толстого посла Китая в СССР Фу Бинчана. На С.Л. Тихвинского возложили обязанность встретить его и проводить в зал. Поставив свою подпись, Фу Бинчан тотчас же отбыл из особняка¹¹. Эта символическая акция показывала, что борющийся против японских захватчиков Китай не одинок. Подписание декларации должно было служить серьезным предупреждением милитаристским правителям Японии.

В начале декабря 1943 г., сдав экзамены по "кандидатскому минимуму", Тихвинский, теперь уже с семьей, выехал через знакомый ему Синьцзян к месту работы в посольстве СССР в Чунцине. Он ехал из воюющей страны на дипломатический фронт, где также шла война с ее жестокостями.

В ПОСОЛЬСТВЕ В ЧУНЦИНЕ

Имея представление о бытовых условиях жизни советских дипломатов за границей, Тихвинский и не строил иллюзий. Но действительность оказалась сложнее, чем он предполагал.

Зимой в Чунцине, вспоминает Тихвинский, стояла "сырая, промозглая погода, а летом – душающая влажная жара, от которой не было спасения даже в ночные часы". К тому же полчища mosquitos и комаров, от которых лишь несколько спасали противомоскитные сетки, осложняли жизнь¹². Японская авиация не давала забыть о войне. Трудности с продовольственным снабжением и растущая дороговизна. В общем, это был не курорт. Но тогда так жили, да еще в худших условиях, все советские люди. Шла война.

Тихвинский вошел в группу дипломатов посольства, занимавшихся вопросами внутренней политики Китая. Это был важный участок, поскольку наряду с борьбой против японских оккупантов временами шла "тихая" гражданская война, которая порой то затухала под воздействием СССР и США, то вновь разгоралась с новой силой.

Посольство возглавлял А.С. Панюшкин, направленный в 1939 г. в Китай после окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе в качестве временного уполномоченного СНК СССР по реализации советско-китайского торгового договора. В том же году он стал полпредом, а с 1941 г. – послом СССР в Китае. Не будучи профессиональным дипломатом, он сумел установить широкие связи с китайскими властями, включая Чан Кайши, дипкорпусом, с руководством компартии и другими общественными силами. К моменту приезда С.Л. Тихвинского он пробыл в Китае уже четыре года и накопил немалый опыт, которым он щедро делился.

¹¹ Там же, с. 183.

¹² Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия. М., 2002, с. 49.

Вскоре после приезда Тихвинского в Чунцин он взял его с собой в качестве переводчика на завтрак, устроенный вице-президентом Китайско-советского культурного общества, бывшим китайским послом в Москве Шао Лицзе. На завтраке присутствовал также известный общественный деятель, историк и писатель Го Можо¹³. Так постепенно Тихвинский входил в китайскую среду. Этому немало способствовало посещение им американского информационного центра и клуба "Север-Юг" при Китайско-британской ассоциации для расширения связей в дипкорпусе и с представителями китайской общечеловечности. Среди американских дипломатов было немало тех, кто с сочувствием относился к самоотверженной борьбе советского народа против гитлеровских захватчиков. Некоторые из них выступали за прекращение междоусобной войны в Китае и пытались содействовать достижению договоренности Чан Кайши с китайской компартией для их совместной борьбы против японских агрессоров.

Нередко старшие дипломаты советского посольства брали Тихвинского на встречи с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго, который приглашал их то в один, то в другой ресторан, чтобы узнать новости из Советского Союза и о положении на советско-германском фронте.

Цзян Цзинго прибыл в начале 20-х годов на учебу в СССР, выучил русский язык, стал членом ВКП(б) и работал в разных местах, в том числе на Уралмаше редактором заводской многотиражки. Там он познакомился и женился на русской девушке. Чан Кайши неоднократно ставил перед советскими властями в начале 30-х годов вопрос о возвращении сына, но тот не соглашался. В связи с улучшением советско-китайских отношений в период антияпонской войны Чан Кайши обратился в 1937 г. с письмом лично к Сталину с этой просьбой. Начавшиеся репрессии в Советском Союзе побудили Цзян Цзинго принять просьбу отца. Он вернулся с женой и двумя детьми в Китай и сделал довольно быструю карьеру, став доверенным лицом Чан Кайши, в том числе в переговорах со Сталиным. Но это было несколько позже. А тогда, когда Тихвинский только начинал свою работу, Цзян Цзинго в беседах с нашими дипломатами заверял, что Чан Кайши не пойдет на разрыв единого фронта с компартией в борьбе против японских оккупантов, рекомендовал СССР вступить в войну с Японией, не дожидаясь окончания войны в Европе, а также информировал иногда наших дипломатов о трениях между Чан Кайши и его американскими советниками¹⁴. Все это, конечно, было важно знать руководству посольства.

11 февраля 1944 г. Панюшкин направил на имя Молотова письмо, в котором дал оценку политическим процессам, происходившим в стране пребывания. В подготовке этого письма приняли участие ряд сотрудников, в том числе и Тихвинский.

В письме, в частности, говорилось, что внутрисполитическое положение характеризуется тем, что правительство Чан Кайши в основном закончило подготовку к вооруженному выступлению против Особого района, находившегося под контролем компартии. Однако Чан Кайши был не совсем уверен, что ему быстро удастся "расправиться с коммунистами" Особого района и поставить "мировое общественное мнение перед уже свершившимся фактом". Поэтому "решение руководства Особого района начать переговоры с ЦИК Гоминьдана в Чунцине через Чжу Дэ и Чжоу Эньлая, нам кажется, рассчитано на то, чтобы предотвратить вспышку гражданской войны в Китае в настоящее время". Эта осторожная фраза подтверждала, что советское посольство строго выполняло указание Центра не поддерживать прямых контактов с компартией.

Второй особенностью сегодняшней китайской действительности, говорилось далее в письме, является то, что "в Чунцине и других городах появилось довольно значительное количество японских агентов, открыто ведущих пропаганду за мир между Японией и Китаем". Капитулянтские элементы имеются в китайском правительстве.

¹³ Там же, с. 59.

¹⁴ Там же, с. 63.

Эти настроения питаются неуверенностью, что "Великобритания будет по-настоящему воевать на Тихом океане", недостаточным снабжением Китая военными материалами, отказом США предоставить Китаю новый миллиардный заем¹⁵.

Все это действительно сказывалось на боевом духе гоминьдановской армии, которую ориентировали больше на борьбу против компартии, чем на действенный отпор Японии. Этим воспользовался агрессор.

В апреле 1944 г. японцы предприняли крупное наступление, вышли к границам южной провинции Гуйчжоу и установили сквозное железнодорожное сообщение от Кореи и Маньчжурии до Индокитая, создав прямую угрозу захвата временной столицы Китая – Чунцина. Это вызвало беспокойство США, которые предприняли шаги по перемещению своих и китайских войск из Бирмы. Они несколько активизировали посредническую деятельность по налаживанию сотрудничества Чан Кайши с компартией по созданию единого фронта. Советское посольство поддерживало эти усилия США. Тем более что с июня 1944 г. англо-американские войска высадились во Франции и был открыт второй фронт против гитлеровской Германии. Наши страны стали боевыми союзниками.

Осенью 1944 г. в Китай прибыл личный представитель президента США Ф. Рузвельта генерал П. Хэрли, вскоре назначенный послом. 26 ноября он нанес визит в советское посольство. Принимал его временный поверенный в делах Т.Ф. Скворцов-Токарин, а встретил и проводил в гостиную на втором этаже посольства С.Л. Тихвинский, который принял участие в беседе в качестве переводчика. Хэрли рассказал о своем недавнем визите в Москву, встречах с советскими руководителями, о своих планах наладить сотрудничество между правительством Чан Кайши и компартией. К тому времени американская военная миссия во главе с полковником Д. Барретом уже несколько месяцев находилась в центре Особого района Яньани¹⁶. Но все эти переговоры были еще впереди.

А тогда С.Л. Тихвинский активно подключился к деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), представитель которого, советник посольства Л.М. Миклашевский, хорошо владевший разговорным китайским языком, поддерживал активные связи с Китайско-советским культурным обществом, возглавлявшимся старым знакомым Тихвинского еще по Москве Сунь Фо. "Он (Миклашевский. – В.С.) часто привлекал меня, – вспоминает Сергей Леонидович, – к выполнению отдельных поручений"¹⁷.

Так, осенью 1944 г. С.Л. Тихвинский вылетел в командировку из Чунцина в Ланьчжоу, где находилось советское консульство, возглавлявшееся в тот период А.М. Ледовским, для организации полученной из Москвы от ВОКС фотовыставки, рассказывавшей о военных операциях на советско-германском фронте. Пока выставка демонстрировалась в Ланьчжоу, он по приглашению посла (верховного комиссара) Австралии в Китае посетил г. Синин около озера Кукунор в провинции Цинхай. По возвращении в Ланьчжоу он отправился с фотовыставкой в соседнюю провинцию Шэнси, в г. Сиань, являвшийся центром антикоммунистической активности Гоминьдана, поскольку был расположен недалеко от Особого района, контролируемого компартией.

В докладной записке на имя председателя ВОКС В.С. Кеменева С.Л. Тихвинский подробно рассказал о выставке, состоявшей из 209 больших листов, на которых помещалось 900 отдельных фотографий по разделам: оборона Сталинграда, оборона Ленинграда, оборона Севастополя, советское искусство, зверства и разрушения, творимые немцами на временно оккупированных советских территориях. В день открытия, 13 сентября, ее посетило 2,5 тыс. человек, предполагалось, что в течение трех дней ра-

¹⁵ Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. IV. 1937–1945, кн. 1. М., 2000, с. 801–803.

¹⁶ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 36–37.

¹⁷ Там же, с. 38.

боты выставки ее посетят не менее 10 тыс. человек. "На примере выставки в г. Сиань видно, — писал Тихвинский, — что население Китая питает большой интерес к жизни советского народа и борьбе Красной Армии с фашистскими полчищами"¹⁸.

Возвратившись в Чунцин, Тихвинский подключился к текущей работе посольства. В связи с отъездом Панюшкина на родину Скворцов-Токарин, оставшийся поверенным в делах СССР в Китае, к своим беседам часто привлекал Тихвинского. Он только в декабре дважды встречался с Хэрли, который откровенно говорил ему о разных подходах США и Великобритании к событиям в Китае. Англичане считали, по словам Хэрли, что "дружба между Китаем и Советским Союзом не в интересах Англии и США", что "Китай и СССР своими объединенными силами вытолкнут из Азии как Англию, так и США". Американская же точка зрения была будто бы противоположна английской. США якобы были "не заинтересованы в том, чтобы поддерживать империалистскую политику Англии", "сильный Китай для нас не угроза, а, наоборот, помощь"¹⁹. Тихвинский не только переводил, но и составлял записи бесед Скворцова-Токарина, которые направлялись в Москву.

Летом 1944 г. вспыхнуло восстание местных некуитайских народов в трех пограничных с СССР областях Синьцзяна, спровоцированное Шэн Шицаем, а политика жестокого подавления гоминьдановскими властями любых проявлений недовольства усугубила ситуацию. Пресса развернула враждебную антисоветскую кампанию. Более того, в Кульдже были убиты несколько человек из числа местных жителей, имевших советское гражданство.

В конце года, когда началась активная подготовка к визиту в Москву китайского министра иностранных дел Сун Цзывэня, Цзян Цзинго начал в беседах с советскими дипломатами, включая Тихвинского, в неофициальном порядке зондировать вопрос о возможных путях смягчения возникшей напряженности в Синьцзяне, поскольку среди казахов трудно определить, кто имеет российское гражданство, а кто нет.

Руководство посольства высоко ценило работу молодого дипломата. В характеристике Тихвинскому, подписанной Скворцовым-Токариным 2 октября 1944 г., говорилось: "Во внешнеполитических вопросах разбирается хорошо. ...Работник — усидчивый, старательный, дисциплинированный. С порученной работой справляется хорошо. Китайский и английский языки сдал на максимум. Продолжает работать над их совершенствованием. Авторитетом среди окружающих пользуется"²⁰.

Несмотря на большую занятость, Тихвинский не забывал и о работе над кандидатской диссертацией. Статус дипломата позволял ему обращаться к таким людям, как вдова бывшего главы кантонского правительства доктора Сунь Ятсена Сунь Цинлин. Поскольку первоначальной темой его работы были три принципа Сунь Ятсена, то это была редкая возможность, как говорится, из первых рук, получить материалы о жизни и деятельности этого выдающегося китайского революционера-демократа, услышать воспоминания его соратников и даже познакомиться с некоторыми ветеранами Гоминьдана.

В апреле 1945 г. в связи с болезнью сына Тихвинский выехал в Москву. Его маршрут пролегал южным путем через Бирму, Индию, Иран, где он и встретил Победу. 18 мая он вернулся в Москву. Война окончилась. Новые мирные заботы постепенно выходили на первый план.

6 июня 1945 г. в заявлении на имя Деканозова Тихвинский поставил вопрос о предоставлении ему трехмесячного отпуска для защиты диссертации на тему: «Принцип Сунь Ятсена "национализм" и его внешняя политика». Через десять дней на имя Деканозова поступило письмо с аналогичной просьбой от и.о.директора Тихоокеанского института АН СССР А.С. Перевертало²¹.

¹⁸ Русско-китайские отношения в XX веке, т. IV, кн. 1, с. 816.

¹⁹ Там же, с. 825.

²⁰ АВП РФ, ф. 0516, л. 15.

²¹ Там же, л. 18.

А тем временем в НКВД пришла 6 июля новая характеристика на С.Л. Тихвинского от только что прибывшего в Чунцин нового советского посла в Китае А.А. Петрова, в которой он, отметив положительные качества Сергея Леонидовича, предлагал продвинуть его "на должность 1-го секретаря с присвоением соответствующего ранга"²². Но в НКВД не торопились.

30 июля 1945 г. Тихвинский защитил кандидатскую диссертацию. Защита прошла отлично. Против не было ни одного голоса. Но получить соответствующий диплом тогда же он не успел. Сначала его послали в Ленинград с Го Можо, приехавшим на празднование 200-летия Академии наук СССР, а потом он участвовал в мероприятиях с ним в Москве, где также приходилось переводить китайским гостям – все это требовало времени.

НА КОНСУЛЬСКОЙ РАБОТЕ В БЭЙПИНЕ (ПЕКИНЕ)

3 сентября 1945 г., отметив в Москве День победы над Японией, Сергей Леонидович тем же путем через Тегеран, Багдад и Индию вернулся в Чунцин. Япония капитулировала, и, казалось, наступил долгожданный мир. 10 октября при посредничестве США было достигнуто в Чунцине соглашение между Гоминьданом и компартией Китая о прекращении гражданской войны и создании демократического правительства Китая.

В этот же день Цзян Цзинго направился в Северный Китай, в Бэйпин, для приема капитуляции японских и китайских, служивших у японцев, марионеточных войск. Петрову удалось получить согласие Цзян Цзинго захватить в Бэйпин двух сотрудников посольства, одним из которых оказался Тихвинский. Выбор его не был случаен. Ученый-востоковед Петров, будучи советником посольства СССР в Китае еще в 1943 г., хорошо знал Тихвинского, его умение анализировать события и работать с людьми. Тихвинский вместе с сопровождавшим его техническим сотрудником прибыл рано утром на аэродром под Чунцином, но улететь так и не смог, поскольку автопогрузчик по неосторожности водителя протаранил новый самолет, и пришлось лететь на другом, старом, перегруженном и без элементарных удобств на борту. Только вечером после утомительного полета он добрался до Бэйпина, а затем и советского генконсульства.

Объявление Советским Союзом войны Японии и быстрое освобождение Маньчжурии настолько деморализовали японские власти, что они даже не интернировали ни коменданта здания, ни других находившихся в городе местных советских граждан. Поэтому помещения генконсульства оказались в относительном порядке. Всего в Бэйпине насчитывалось свыше 100 человек, объединенных "Обществом граждан СССР". Кроме того, около 200 россиян считались лицами без гражданства.

"Первое время, – вспоминает Тихвинский, – мне пришлось заниматься главным образом выдачей советских паспортов бывшим эмигрантам, подавшим заявление о восстановлении в гражданстве СССР вслед за архиепископом Виктором, который на первой же встрече со мной в октябре 1945 г. заявил о признании им и возглавляемой им Российской духовной миссией юрисдикции Московской Патриархии и вскоре решился на восстановление своего советского гражданства"²³.

Верховный Совет СССР обязал все дипломатические и консульские представительства за границей восстановить в гражданстве лиц, состоявших к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи.

Знакомый с подобной работой еще по Урумчи, Тихвинский активно занялся ею, уделив особое внимание личному составу Российской духовной миссии в Бэйпине, которая имела в Северном Китае определенное влияние. Об этом свидетельствует его доклад Петрову, последний в свою очередь направил его в МИД СССР. К своему до-

²² Там же, л. 23.

²³ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 71.

кладу Тихвинский приложил отчет архиепископа Виктора в адрес патриарха Алексия и другие материалы²⁴.

Заботе о деятельности Российской духовной миссии в Китае С.Л. Тихвинский уделял большое внимание и в последующие годы. Так в письме на имя заведующего 1 ДВО Г.И. Тункина от 26 января 1948 г. он ставил перед МИД вопрос о необходимости пополнения личного состава Российской духовной миссии²⁵. И хотя не сразу, но этот вопрос был все же частично решен²⁶.

В конце 1945 г. началась активная высадка американских войск в китайских портовых городах, а также переброска воздушным и морским путем гоминьдановских войск в Северный и Восточный Китай, что неминуемо вело к обострению внутривосточного конфликта. Это понимали в Москве.

Состоявшееся 16–26 декабря 1945 г. Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании приняло ряд организационных решений, касавшихся условий осуществления капитуляции Японии: были созданы Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии. Одновременно министры СССР и США договорились о "желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок"²⁷. Выполняя договоренность, СССР вывел к 3 мая 1946 г. свои войска из Маньчжурии, а 113-тысячная американская армия временно осталась, оказывая негативное влияние на внутривосточную обстановку в Китае.

Чтобы не осложнять внутривосточное положение в Маньчжурии, советское правительство не разрешило правительству США и гоминьдановским властям осуществлять переброску войск в Маньчжурию через порт Дальний и советскую военную базу в Порт-Артуре, находившиеся под юрисдикцией СССР согласно советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г.

В ответ США отзывали своего посла П. Хэрли и направили в Китай генерала Д. Маршалла для организации посредничества между враждующими политическими силами в Китае. При его содействии была создана "комиссия трех": по представителю от Гоминьдана, генерал Чэнь Цземин, и компартии, Чжоу Эньлай, и самого Маршалла в качестве председателя.

10 января 1946 г. было достигнуто очередное соглашение о прекращении военных действий на всей территории страны, за исключением северо-восточных провинций. В тот же день в Чунцине начала работу Политическая консультативная конференция всех политических партий и видных беспартийных общественных деятелей. Одновременно в Бэйпине был учрежден Исполнительный комитет по контролю за соблюдением условий перемирия. В него вошли: от Гоминьдана генерал Чэнь Цземин, от компартии Е Цзяньин, от США советник-посланник посольства У. Робертсон и генерал Байроуд. Американцы придали деятельности Исполнительного комитета большой размах, прислав многочисленный штат сотрудников и наладив связь с различными районами Китая. Этим воспользовались представители компартии во главе с Цзяньином, начальником штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК), для установления связи со своими отдельными подразделениями и партизанскими базами, снабжая их радиостанциями и устойчивыми шифрами. На какое-то время Тихвинский оказался в центре политической жизни, имея возможность контактировать с представителями США и других стран и различными общественными силами Китая.

Однако гоминьдановцы скоро нарушили соглашение о перемирии, организовав погромы редакций коммунистических газет в Чунцине, разогнав антиправительствен-

²⁴ Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950, кн. 2. М., 2005, с. 351–359.

²⁵ Там же, с. 361–365.

²⁶ Там же, с. 369.

²⁷ Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. М., 1949, с. 162.

ные митинги и убив несколько прогрессивных общественных деятелей. Затем последовали подобные акции и в других городах, включая Бэйпин.

В конце июня 1946 г. деятельность Исполнительного комитета была прекращена. Представители КПК в комитете вынуждены были уйти из Бэйпина, организовав прощальный прием, на который пригласили Тихвинского и других сотрудников генконсульства. Этот прием показал, отмечал Тихвинский, "глубокую веру наших хозяев в неизбежность победы народной революции"²⁸.

11 июля 1946 г. США назначили нового посла в Китае Л. Стюарта, долгое время жившего в Китае и пользовавшегося определенной известностью в научных и политических кругах, но изменить положение он уже не мог.

Гоминьдановцы, пытаясь вовлечь США в военную авантюру, организовали 29 июля 1946 г. между Бэйпином и Тяньцзинем вооруженное столкновение солдат американской морской пехоты и гоминьдановских отрядов с частями 8-й армии компартии Китая. Этот инцидент вызвал волну возмущения китайской общественности. Страсти накалились еще больше в конце декабря 1946 г.: американский солдат надругался над студенткой Бэйпинского университета. Повсюду появились лозунги и транспаранты: "Янки, убирайтесь домой!".

С весны 1946 г., т.е. после вывода советских войск из Маньчжурии, положение советских граждан в этих северо-восточных провинциях Китая значительно осложнилось. 24 мая 1946 г. гоминьдановцы учинили в городах Северо-Восточного Китая Чанчунь, Темин, Гирин расправы над советскими гражданами-железнодорожниками, работниками конторы "Экспортхлеб" и другими, в результате которых было убито и замучено 67 человек, в том числе 4 командированных граждан, и более 200 семей – ограблено²⁹.

На соответствующие протесты советских местных организаций, в частности отделения торгпредства, китайские власти не реагировали. Поскольку юрисдикция генконсульства в Бэйпине распространялась с весны 1946 г. и на эти провинции Северо-Востока, оказавшиеся под властью гоминьдановцев, Тихвинскому вместе с другими сотрудниками пришлось выезжать в Шэньян и другие города с тем, чтобы организовать в августе 1947 г. выезд на пароходе "Гоголь" через Тяньцзинь и порт Тангу оставшихся после ухода наших войск советских граждан, главным образом железнодорожников и сотрудников отделения торгпредства. Их отъезд привел к дезорганизации железнодорожного сообщения в этом регионе. Эта поездка оказалась не простым делом, так как гоминьдановские молодчики мало считались с дипломатическим статусом советских работников.

Ухудшилась политическая атмосфера и в Бэйпине после возвращения гоминьдановских властей: они стали притеснять старую бэйпинскую интеллигенцию. Нередко отдельных ее представителей увольняли с работы под тем предлогом, что в 1937 г. они не покинули город, когда туда вошли японцы.

Тихвинский по роду своей деятельности, а также с учетом его широких научных интересов, поддерживал широкие связи с интеллигенцией, в частности с директором Пекинской национальной библиотеки, с заведующим русским отделом библиотеки, бывшим дипломатом Ван Чжисяном и многими другими. Немало студентов и преподавателей университета посещали библиотеки и читальный зал при генконсульстве, где знакомились с произведениями советской и русской литературы.

В те годы был довольно большой консульский корпус в Бэйпине. Представители США, Великобритании, Франции, Бельгии и Голландии охотно поддерживали связи с сотрудниками советского генконсульства. Особенно выделялся среди них крупный специалист по Китаю и Советскому Союзу хорошо знавший русский язык О.Э. Клабб, бывший американский консул во Владивостоке в период Великой Отечественной вой-

²⁸ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 77–78.

²⁹ Русско-китайские отношения в XX веке, т. V, кн. 2, с. 123.

ны. Встречи и беседы с ними обогащали, помогали правильно оценивать положение в стране, давали порой неожиданный ход мыслям С.Л. Тихвинского.

Представляя Москве предложение о назначении Тихвинского вице-консулом в Бэйпине (генконсулом с начала 1946 г. стал Ледовский), посол Петров отмечал: "С осени 1945 г. тов. Тихвинский находится в Бэйпине, где фактически выполняет обязанности консула и представляет посольству обширную и интересную информацию"³⁰. Приказом по МИД от 27 октября 1946 г. Тихвинскому был присвоен ранг 1 секретаря 2 класса, а уже в ноябре 1947 г. ему присвоили ранг 1 секретаря 1 класса.

В следующем месяце управление кадров МИД в записке на имя заместителя министра Ф.Т. Гусева предложило назначить С.Л. Тихвинского генеральным консулом в Бэйпине в связи с отъездом в Москву А.М. Ледовского, ссылаясь при этом на то, что Г.И. Тункин не возражает. Не возражал и Гусев. Но требовалось, как тогда говорили, "решение инстанции".

Такая записка пошла секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову только 11 марта 1948 г. А.Я. Вышинский, предлагая утвердить С.Л. Тихвинского генконсулом в Бэйпине, для большей убедительности отметил: "С товарищем Молотовым В.М. согласовано"³¹.

К лету 1948 г. в гражданской войне в Китае наметился некоторый перелом в пользу вооруженных сил компартии, поддержанных партизанскими отрядами в различных провинциях страны, но главным образом в Северном, Восточном и Центральном Китае. Главнокомандующий правительственными войсками в Северном Китае генерал Фу Цзои перенес свою ставку в Бэйпин. Он одновременно возглавлял и гражданскую администрацию в Бэйпине и в ряде других городов, включая Тяньцзинь, Калган и порт Тангу.

Тихвинский, как генеральный консул, сделал неординарный, но оказавшийся мудрым шаг. Он нанес протокольный визит генералу, представив ему сопровождавших его двух вице-консулов и секретаря генконсульства. В состоявшейся беседе он выразил надежду на содействие военных и гражданских властей в охране личности и имущества советских людей. Генерал заверил, что с его стороны будет уделено необходимое внимание защите иностранных граждан. Со своей стороны генерал поинтересовался историей Красной Армии, особенно возможностью вступления в нее бывших генералов и офицеров царской армии, а затем и белой армии. Тихвинский подробно рассказал о Великой Отечественной войне, о ряде офицеров, находившихся на царской службе и ставших выдающимися военачальниками, Маршалах Советского Союза Б.М. Шапошникове, работавшем в Генеральном штабе непосредственно с И.В. Сталиным, Л.А. Говорове и др. Фу Цзои выслушал его рассказ с большим интересом и с чувством внутреннего удовлетворения³².

В августе 1948 г. Тихвинскому вновь пришлось вылететь в Шэньян (Мукден), где местные советские граждане, не пожелавшие ранее эвакуироваться, оказались в сложном положении, поскольку город был блокирован частями НОАК и ощущался дефицит продовольствия. Многие граждане не имели соответствующих советских документов. Генконсулу пришлось не только выполнять необходимые консульские функции, но и оказывать помощь, ведя переговоры с соответствующими властями.

Трудность возникла еще и потому, что началось повальное бегство гоминьдановских чиновников из осажденного города. По окончании работы Тихвинский сам с большими трудностями смог получить место в самолете при содействии коллег из американского консульства, чтобы возвратиться в Бэйпин.

Успешные операции НОАК в декабре 1948 г., когда был взят крупный торговый и промышленный центр Тяньцзинь, привели скоро к 40-дневной осаде Бэйпина. Тихвинский, позаботившись заранее получить разрешение МИД СССР на расходование

³⁰ АВП РФ, ф. 051, л. 23.

³¹ Там же, л. 28.

³² *Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен.* М., 2005, с. 392–393.

средств по созданию продуктовых запасов и приобретению небольшой дизельной электростанции, представлял всю опасность, которая могла грозить генконсульству в случае штурма города. Бэйпин наводнили 30 тыс. беженцев, спасавшихся от "красной опасности", среди которых было немало враждебно настроенных лиц.

200-тысячная армия Фу Цзои вошла в город. В ее состав входили примерно 70 тыс. отборных воинских частей Гоминьдана, лишь условно подчинявшихся генералу. Под новый, 1949, год гоминьдановские спецслужбы расклеили и развесили по Бэйпину транспаранты и плакаты с антисоветскими призывами и карикатурами. Тихвинский в качестве генконсула дважды посещал штаб армии, чтобы заявить решительный протест по поводу враждебных Советскому Союзу акций. Одновременно он известил МИД СССР о своем демарше. Москва, соблюдая подчеркнутый нейтралитет в отношении происходящих внутренних событий в Китае, сделала даже замечания Тихвинскому, указав, что протест военным властям "составлен в излишне резких выражениях".

Однако к удовольствию Тихвинского скоро пришло официальное сообщение китайских военных властей, в котором говорилось, что впредь антисоветская агитация в виде плакатов и карикатур допускаться не будет. Об этом Тихвинский сразу же сообщил в Москву³³.

В результате требований светских и религиозных слоев общественности города не допускать боевых действий в древнем городе, где множество ценных исторических реликвий, Фу Цзои по договоренности с командованием НОАК сдал Бэйпин без боя. Видимо, в этом была и определенная роль Тихвинского, разъяснившего возможность для генерала найти свое место в новой жизни страны. 31 января 1949 г. НОАК торжественно вступила в Бэйпин.

Несколько позже Тихвинский узнал, что против советского генконсульства, равно как и против американского, гоминьдановцами готовилась тайная вооруженная провокация с целью поссорить СССР и США и развязать между ними войну. К счастью, соответствующими службами НОАК ее удалось предотвратить³⁴.

Москва, опасаясь провокаций, продолжала сохранять строгий нейтралитет на весь период гражданской войны в Китае. Всем советским консульствам на китайской территории, подконтрольной компартии Китая, была дана директива о приостановлении своей официальной деятельности. Теперь известно, что она была подписана лично И.В. Сталиным³⁵.

Но как частное лицо С.Л. Тихвинский продолжал активную работу, встречаясь с видными руководителями КПК Чжоу Эньлаем, Е Цзяньином и даже 17 июня 1949 г. с Мао Цзэдуном. В Москве ценили его работу.

15 февраля 1949 г. тогдашний заведующий 1 ДВО, а позже заместитель министра иностранных дел Н.Т. Федоренко, охарактеризовал его положительно за время работы в Китае, особенно во время обострения военной обстановки в Бэйпине в январе 1949 г., отмечал, что С.Л. Тихвинский "проявил себя выдержанным и дисциплинированным руководителем консульства. Правильно реагировал на события"³⁶.

Успешное наступление войск НОАК продолжалось. После освобождения гоминьдановской столицы Китая Нанкина вопрос о власти в Китае был решен. Бэйпин по-прежнему оставался главной опорой КПК, поскольку там, поблизости уже несколько лет находились освобожденные районы и резиденция руководства компартии – Сибайпо. Тихвинский постоянно поддерживал рабочую связь с руководящими деятелями компартии. Именно в Пекине, как стал называться Бэйпин, был создан Народный политический консультативный совет Китая, который принял соответствующую Декларацию о провозглашении 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР).

³³ Там же, с. 394–395.

³⁴ Там же, с. 396–397.

³⁵ Русско-китайские отношения в XX веке, т. V, кн. 2, с. 99.

³⁶ АВП РФ, ф. 051, л. 34.

В этот же день министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил на имя генерального консула С.Л. Тихвинского в Бэйпине официальное письмо, в котором говорилось, что "установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым". При письме он направил Декларацию о провозглашении КНР и просил направить ее советскому правительству. Тихвинский незамедлительно направил эти документы в Москву. На следующий день, 2 октября 1949 г., заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко по поручению правительства дал ответную телеграмму Чжоу Эньлаю, в которой выражалась готовность установить дипломатические отношения³⁷. Одновременно посольству Чан Кайши в Москве был заявлено о прекращении дипломатических отношений с гоминьдановским Китаем.

Возникла на короткое время парадоксальная ситуация: существовало советское посольство в Нанкине во главе с послом Н.В. Рошкиным при правительстве Чан Кайши и появилось новое посольство в Пекине (Бэйпине) во главе с С.Л. Тихвинским. Он сразу же получил должность советника и был назначен временным поверенным в делах СССР. Прошло две недели, и Рошкин стал послом в Пекине. Это поспешное назначение не очень обрадовало руководителей КНР, хотя они не имели лично против него никаких возражений, так как хорошо его знали. Видимо, они ожидали, что послом в новом коммунистическом Китае будет и новый дипломат более высокого ранга, а может быть даже и политический деятель. Неудовольствие наших китайских друзей мог вызвать и тот факт, что из всех зарубежных посольств и миссий только Рошкин вместе с некоторыми сотрудниками посольства выехал из Нанкина в Гуаньчжоу (Кантон) в середине февраля 1949 г. вслед за эвакуировавшимся туда гоминьдановским правительством перед тем, как оно окончательно покинуло континентальный Китай и отправилось на Тайвань.

После установления дипломатических отношений с КНР советское посольство в Нанкине 10 октября 1949 г. переехало в Пекин, а 16 октября 1949 г. Н.В. Рошкин вручил свои верительные грамоты Мао Цзэдуну.

После торжественной церемонии вручения состоялась беседа Мао Цзэдуна с послом, в которой принимали участие С.Л. Тихвинский и Чжоу Эньлай, а также китайский переводчик. Беседа прошла в дружественной обстановке, но в то же время Мао Цзедун дал ясно понять, что "Китай до сих пор не получил поздравления от тов. Сталина по случаю создания Китайской Народной Республики", в то время как Германская Демократическая Республика, созданная на 12 дней позже, уже получила такое послание. В заключение беседы посол поздравил Мао с занятием войсками НОАК г. Кантона, последней опоры Гоминьдана в континентальном Китае³⁸.

В последующие дни октября и ноября С.Л. Тихвинский неоднократно встречался, сопровождая посла, с премьер-министром, министром иностранных дел, другими руководителями КНР по вопросам расширения отношений с СССР. Обсуждались вопросы, связанные с предстоявшей поездкой Мао Цзэдуна в Москву, открытия порта Дальний для китайских торговых судов из Гонконга и др.

По случаю 32-й годовщины Великого Октября 7 ноября в здании советского посольства был дан большой прием, на котором присутствовали высшие руководители КНР во главе с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Чжу Дэ, приглашенные с женами.

7 декабря 1949 г. Мао Цзедун в специальном поезде выехал из Пекина в Москву на торжества, посвященные 70-летию И.В. Сталина. С.Л. Тихвинский сопровождал Мао Цзэдуна до советской границы, а затем вернулся в Пекин.

В конце года он по указанию посла выехал в Гуаньчжоу, где находившаяся до середины октября часть сотрудников советского посольства до бегства гоминьдановского правительства из города оставила все имущество, включая автомашины, на попечении коллег из местного иностранного консульского корпуса. Там С.Л. Тихвинский не-

³⁷ Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953, с. 171–172.

³⁸ Российско-китайские отношения в XX веке, т. V, кн. 2, с. 192–194.

однократно встречался со старым другом Е Цзяньином, представлявшим НОАК и ЦК КПК в Южном Китае. Отправив в Пекин имущество советского посольства, Тихвинский тоже вернулся в новую столицу Китая, выполняя, по-прежнему, обязанности советника посольства.

Тихвинский стремился к возвращению на родину. Несколько раз ставил этот вопрос перед руководством МИД. Ему не разрешили выехать в Москву ни в 1944 г., когда умерла его мать, ни в 1948 г., когда умер отец, в связи "с напряженной обстановкой в Северном Китае". Он даже не имел сведений о том, утвердили ли его кандидатом исторических наук, и вынужден был написать письмо 4 июля 1949 г. на имя министра иностранных дел А.Я. Вышинского. Только 3 августа 1949 г. Управление кадров выслало ему выписку из протокола заседания Ученого совета Института истории АН СССР, подтверждавшую присвоение ему ученой степени кандидата исторических наук³⁹.

3 апреля 1950 г. он написал вновь письмо Вышинскому с просьбой отозвать его в Советский Союз, напомнив, что он находится в Китае с 1943 г., т.е. 6 лет и 4 месяца, и "за последние 12 лет своей работы ни разу не имел положенного Конституцией отпуска"⁴⁰.

Но расширение связей с новым Китаем требовало все новых усилий. Так нельзя было отказать в просьбе Чжоу Эньлая прочитать цикл лекций по международному праву в Народном университете Пекина на кафедре, готовившей дипломатические кадры нового Китая⁴¹.

Только летом 1950 г. Тихвинский возвратился в Москву.

НА V И VII СЕССИЯХ ГЕНАССАМБЛЕИ ООН

После непродолжительного отдыха и устройства своих домашних дел Тихвинский, едва придя на работу в 1 ДВО, вдруг узнает, что его включили в качестве эксперта по Китаю в состав советской делегации на V сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Вопрос был поднят в связи с начавшейся в июне 1950 г. корейской войной представителем гоминьдановского Китая. Конечно, Тихвинскому было хорошо известно, что Чан Кайши, окопавшийся на Тайване, не представляет китайский народ, который уже сделал свой выбор. Но корейская война была фактом, как и то, что представитель гоминьдановского Китая, вопреки здравому смыслу продолжал занимать место постоянного члена Совета Безопасности. Правительство США при поддержке своих союзников срывало все усилия СССР и других стран по мирному объединению Кореи. Опираясь в своей политике диктата на имеющееся атомное оружие, США не желали прислушаться к миролюбивым предложениям СССР и ряда стран Восточной Европы. При активной поддержке союзников по НАТО они создали вооруженные силы ООН, которые выступили против северокорейских войск.

Советской делегации, возглавлявшейся представителем СССР в Совете Безопасности Я.А. Маликом, удалось добиться, чтобы представитель КНР был приглашен на заседание Совета Безопасности ООН. Делегация КНР, возглавляемая заместителем министра иностранных дел У Сюцюанем, приняла участие в заседании Первого комитета Генассамблеи ООН 27 ноября, а затем выступила 28 ноября на заседании Совета Безопасности с большой речью о вооруженной агрессии США против Китая.

По поручению Малика Тихвинский поддерживал постоянную связь с китайской делегацией, что облегчалось тем, что советником китайской делегации был Цяо Гуаньхуа, старый его знакомый по Пекину, ближайший помощник Чжоу Эньлая по работе в МИД, где Тихвинский не раз бывал⁴².

Китайская делегация, впервые прибывшая на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, естественно не знала всех процедурных вопросов и тонкостей, с которыми она

³⁹ АВП РФ, ф. 051, л. 37–39.

⁴⁰ Там же, л. 41.

⁴¹ Тихвинский С.Л. *Век стремительных перемен*, с. 406.

⁴² Тихвинский С.Л. *Избранные произведения*, кн. 5, с. 245.

столкнулась в Нью-Йорке. Поэтому помощь советской делегации ей была необходима. Тем не менее, проведя большую работу среди делегатов Генеральной Ассамблеи, членов Совета Безопасности и работников Секретариата ООН, делегация КНР смогла убедительно разъяснить политику своей страны в вопросе о Тайване и в отношении корейской войны, которая могла перекинуться на северо-восточные провинции Китая.

Известно, что Сталин был против войны в Корее, поскольку знал о существовании американского военного плана "Дропшот" о нанесении атомного бомбового удара по объектам 100 городов СССР с использованием 300 атомных и 20 тыс. обычных бомб. Он нехотя согласился с планом Ким Ир Сена о воссоединении Кореи, если тот получит согласие Мао Цзэдуна после победы китайской революции. Такое согласие Ким Ир Сен в Пекине получил, но не ожидал, что к ситуации в Корее будет привлечено внимание всего международного сообщества. Конечно, Тихвинский в то время ничего не знал о конкретных планах США. Но он был свидетелем той обеспокоенности, какую проявляли советские руководители в июне 1951 г., когда ему вновь пришлось переводить Сталину, Молотову и другим членам Политбюро в ходе состоявшихся бесед с корейскими и китайскими руководителями на "ближней" даче Сталина о неблагоприятном ходе корейской войны⁴³.

В результате встречи советского руководства с представителями КНР и КНДР родилась новая миролюбивая инициатива СССР, которая была оглашена Маликом 23 июня 1951 г. на заседании Совбеза, а именно незамедлительно начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня и перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели.

С целью разъяснения этих предложений Тихвинский был направлен в краткосрочную командировку в наши посольства в Пакистане, Индии, Таиланде и Бирме, чтобы одновременно выяснить позиции этих стран в отношении возможных путей прекращения войны в Корее. Несмотря на предпринятые шаги, это советское предложение не прошло. США заблокировали его, используя "механическое большинство", и на следующей VI сессии Генеральной Ассамблеи, на которой Тихвинский не был. Но осенью 1952 г. он вновь выехал в Нью-Йорк в составе делегации на VII сессию Генеральной Ассамблеи ООН в качестве советника. На этот раз корейский вопрос был включен в повестку дня. Делегацию возглавлял Вышинский.

Обсуждение этого вопроса началось лишь 25 февраля 1953 г., во второй части VII сессии Генассамблеи. А через несколько дней умер Сталин, его смерть вызвала перерыв в ходе заседания. Тихвинский оказался главным членом советской делегации, которому высказывались соболезнования. Впоследствии кончина вождя привела и к изменениям в руководстве советского МИД: на пост министра иностранных дел вернулся Молотов, Вышинский был отправлен в Нью-Йорк, Громыко, назначенный за полгода до этого послом в Лондон, вновь занял пост первого заместителя министра, а послом в Англию поехал Малик.

Тем не менее 27 июля 1953 г. было подписано Соглашение о перемирии в Корее, и Тихвинский внес в решение этого вопроса свою лепту. В воспоминаниях он справедливо отмечает, что участие в работе советских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН позволило ему познакомиться с руководящим составом Министерства иностранных дел, работавшим как в центральном аппарате, так и в западных странах: Я.А. Маликом, В.А. Зоринным, с послом в США Г.Н. Зарубиным, послом в Лондоне А.А. Громыко, заведующими отделами МИД А.А. Арутюняном, А.А. Соболевым, с учеными-историками членами-корреспондентами АН СССР Ю.П. Францевым, В.М. Хвостовым, которых Вышинский привлекал в качестве экспертов делегаций, и др.⁴⁴

Все это очень пригодилось в его дальнейшей работе.

⁴³ Там же, с. 247.

⁴⁴ Там же, с. 252.

25 сентября 1953 г. заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко направил в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева записку с предложением утвердить С.Л.Тихвинского советником посольства СССР в Великобритании⁴⁵. Назначение это было не случайным. После смерти И.В. Сталина советское правительство начало проявлять инициативу по ослаблению международной напряженности, как теперь говорят, "по всем азимутам". Первым шагом в этом направлении было достижение перемирия в Корее.

Возвратившись в Москву, Тихвинский без длительной раскачки смог защитить докторскую диссертацию, и 31 октября 1953 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Теперь он мог спокойно посвятить себя новому делу.

В его обязанности в качестве советника посольства СССР в Лондоне входило руководство внешнеполитической группой сотрудников, поддерживавших контакты с дипломатами восточных стран, аккредитованными в Великобритании, в первую очередь Китая, Индии и других, посещение внешнеполитических дебатов в парламенте, изучение английской прессы.

В отличие от США, которые более двух десятилетий не признавали существование Китайской Народной Республики, Великобритания довольно быстро признала КНР, хотя и установила с ней отношения лишь на уровне поверенных в делах. Но это не мешало китайским друзьям в 1954 г. открыть Канцелярию поверенного в делах Хуань Сяня, с которым Малик и, конечно, Тихвинский, установили самые тесные отношения. Китайский дипломат работал ранее у Чжоу Энляя в МИД, и у него с Тихвинским было много общих знакомых.

Некоторое ослабление международной напряженности, наступившее тогда с появлением на внешнеполитической арене новых миролюбивых государств Азии – Индии, КНР, Индонезии и других – способствовало осуществлению ряда миролюбивых инициатив. Естественно, в этом плане у советских дипломатов возникало много вопросов к их коллегам-дипломатам из Южной и Юго-Восточной Азии, связанных с подготовкой, а затем и проведением в апреле 1955 г. Бандунгской конференции.

У Тихвинского установились нормальные рабочие отношения с Маликом, помогло их сотрудничество в Нью-Йорке, к тому же оба они во время войны были на Дальнем Востоке: один – послом в Японии, а другой – советником в Китае, им было что вспомнить. Малик понимал научные устремления Тихвинского и не только не мешал, но даже содействовал ему в установлении контактов как с советскими, так и с зарубежными учеными. А такие возможности были.

Так, в августе 1954 г. для участия в работе XXIII Международного конгресса востоковедов в Кембридже прибыла представительная делегация СССР во главе с членом-корр. АН СССР А.А. Губером. В конгрессе участвовали более 900 ученых из 32 стран. Тихвинский, который был включен в состав советской делегации, выступил 27 августа 1954 г. на секции с докладом "Социально-политическая мысль в Китае в конце XIX в."⁴⁶

Его активное участие в работе конгресса не прошло незамеченным, и он был приглашен на Конференцию молодых китаеведов в г. Дарэме, состоявшуюся сразу после конгресса.

В начале 1955 г. в Лондон прибыл главный ученый секретарь АН СССР академик А.В. Топчиев. Посол поручил С.Л. Тихвинскому оказать содействие ученому в установлении контактов с интересующими его людьми. Прежде всего Тихвинский договорился о приеме Топчиева президентом Королевского Общества университета в Кембридже (аналогом нашей Академии наук) лордом Адрианом. В состоявшейся беседе, которую переводил Тихвинский, была быстро достигнута договоренность о возобновлении научных обменов между двумя академиями.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 0516, л. 51.

⁴⁶ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 98–99.

В беседе с известным ученым и общественным деятелем лордом Б. Расселом речь шла о возможном участии последнего в деятельности Всемирного Совета мира. Рассел обещал только подумать об этом, но ничего определенного тогда не сказал⁴⁷.

Конечно, содействие развитию научных и других связей со страной пребывания входит в обязанность сотрудников посольства, но главным все же являются дипломатические переговоры, призванные способствовать установлению нормальных отношений с той или иной страной.

Именно такие переговоры, в которых активное участие принимал Тихвинский, начались 3 июня 1955 г. в Лондоне, чтобы договориться о восстановлении дипломатических отношений с Японией, поскольку Сан-Францисский мирный договор 1951 г., инициированный США и их союзниками, не был подписан Советским Союзом и рядом других государств, а тем самым и не было прекращено состояние войны между СССР и Японией.

Инициативу по нормализации советско-японских отношений проявила Москва. Отвечая на вопросы главного редактора японской газеты "Тюбу Ниппон симбун" М. Судзуки, В.М. Молотов заявил, что вопрос об урегулировании отношений с Японией назрел и что Советский Союз "выражает готовность к тому, чтобы нормализовать отношения с Японией, имея в виду, что со стороны Японии будет проявлена такая же готовность". Министр высказал в этой связи предложение об обмене "официальными торговыми миссиями на условиях равноправия и взаимности"⁴⁸.

В Японии разгорелась острая политическая борьба по этому вопросу, в которую постоянно активно вмешивались США, имевшие в Японии важные политические и экономические рычаги, чтобы затормозить этот процесс.

Тем не менее будущий премьер-министр Японии И. Хатояма, еще до избрания на этот пост выступая на предвыборном собрании в Токио 24 ноября 1954 г., заявил, что он стоит за установление нормальных дипломатических и экономических отношений с СССР. Однако начавшиеся в посольстве СССР в Лондоне 3 июня 1955 г. переговоры – советскую делегацию возглавлял Я.А. Малик, японскую С. Мацумото – шли очень медленно.

Ход советско-японских переговоров в Лондоне, а затем в Москве подробно освещен Тихвинским в его научном труде под псевдонимом В.Н. Березин (инициалы и фамилия его жены)⁴⁹. В частности, он обращает внимание на то, что японцы проявляли в переговорах беспокойство прежде всего в отношении своих обязательств, которые в какой-то степени касались США (о праве вступать в союзы, о режиме проливов у берегов Японии, касающихся прохода американских военных судов и др.). Все эти вопросы неоднократно затрагивал в беседах с С.Л. Тихвинским в Лондоне член японской делегации М. Такахаси⁵⁰. Но главным, конечно, по мнению японцев, оставался территориальный вопрос, хотя он уже был решен соответствующими положениями Ялтинского соглашения СССР, США и Великобритании 1945 г. и Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 г., но не подписанного Советским Союзом. Японская делегация затягивала переговоры. 20 марта 1956 г. после проведения 23 заседаний советско-японские переговоры в Лондоне были прерваны.

Но жизнь подталкивала японские правящие круги к нормализации советско-японских отношений вопреки всяческим препонам, которые чинили определенные круги в США. В апреле-мае 1956 г. в Москве состоялись переговоры с делегацией японских рыбопромышленных кругов во главе с министром земледелия и лесоводства И. Коно. Эти переговоры завершились подписанием 14 мая 1956 г. советско-японской конвен-

⁴⁷ Там же, с. 99–100.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 146, оп. 456, п. 149а, д. 1, л. 71–74.

⁴⁹ *Березин В.Н.* Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., 1977.

⁵⁰ Там же, с. 66.

ции по рыболовству в открытом море в северо-западной части Тихого океана и соглашения по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море⁵¹.

Одновременно обе стороны договорились о возобновлении, не позднее 31 июля 1956 г., переговоров о нормализации советско-японских отношений. При этом предусматривалось в восьмой статье конвенции, что вышеупомянутые соглашения войдут в силу только после подписания мирного договора или восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией⁵². Согласно достигнутой договоренности, 31 июля 1956 г. переговоры в Москве возобновились. Но к этому времени Тихвинского уже не было в Москве.

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОСТУ В ЯПОНИИ

В апреле 1956 г. после отпуска, проведенного на лечении в Чехословакии, С.Л. Тихвинский собирался с семьей возвратиться в Лондон. Но он приболел, и ему домой позвонил заместитель министра Н.Т. Федоренко, которого он знал еще по Китаю, и предложил пост посла в Иране или в Аргентине. Тихвинский сразу же отказался, сказав, что было бы нерационально использовать его, китаеведа, в этих регионах. Федоренко согласился.

Прошло несколько дней, и он снова позвонил, сказав, что есть возможность поехать в Японию, но не на должность посла, которой там пока нет, поскольку не существует дипломатических отношений с этой страной, а просто главой советского представительства в Токио. Тихвинский согласился. Япония всегда интересовала его как востоковеда, с одной стороны, а с другой – перспективой нормализации отношений с ближайшим дальневосточным соседом СССР. К тому же он был в курсе переговоров, которые велись с японскими дипломатами в Лондоне.

После этого телефонного разговора его через несколько дней принял Молотов. Министр поинтересовался поведением японской делегации в Лондоне и выразил недовольство безрезультатностью переговоров. В то же время он с сожалением отметил, что МИД не располагает достаточной информацией о позиции различных японских общественно-политических кругов в отношении ведущихся с Японией переговоров. Министр предложил ему временно поработать в Токио, а по возвращении вернуться к рассмотрению вопроса о месте его дальнейшей дипломатической службы. Он сообщил, что представитель Японии на переговорах о рыболовстве Коно дал согласие на приезд в Токио советского дипломата, но хотел бы предварительно лично познакомиться с ним⁵³.

В тот же день Тихвинский посетил Коно в гостинице "Советская", где остановилась японская делегация. Министр поинтересовался его послужным списком и впечатлением о советско-японских переговорах в Лондоне. После этого он сообщил, что Тихвинский сможет получить дипломатическую визу в Стокгольме, куда будут даны соответствующие указания, а по приезде в Японию может обращаться лично к нему по возникающим вопросам⁵⁴.

5 мая 1956 г. состоялось решение Президиума Верховного Совета СССР о назначении С.Л. Тихвинского главой советского представительства в Токио. Одновременно 8 мая 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью К.Е. Ворошилова и Секретаря Президиума Н.М. Пегова С.Л. Тихвинскому был присвоен внеочередной дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посланника 1 класса⁵⁵.

Тихвинский вылетел в Стокгольм без семьи, получил там визу и на самолете скандинавской компании "САС" последовал в Токио по маршруту Рим-Каир-Бомбей-

⁵¹ АВП РФ, ф. 146, оп. 456, п. 149а, д. 1, л. 33–38, 42–45.

⁵² Там же, л. 37–38.

⁵³ *Тихвинский С.Л.* Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 125.

⁵⁴ Там же, с. 126.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 0516, л. 57–58.

Калькутта-Манила. Поздно вечером 13 мая он прибыл в Токио, где его встречали сотрудники советского представительства, а также около 50 представителей японской общественности и некоторых японских политических партий.

Представительство СССР в Токио игнорировалось японскими властями. Оно размещалось в двухэтажном здании бывшего посольства СССР неподалеку от центра города. Его несколько сотрудников имели весьма ограниченную связь с внешним миром.

Деятельность Тихвинского в Токио началась в благоприятной обстановке: в Москве было подписано рыболовное соглашение, с одобрением встреченное японской общественностью и представителями деловых кругов, заинтересованных в закупке российского сырья и продаже СССР японских промышленных товаров. Интерес к развитию торговых связей с СССР возрастал в связи с сокращением американских военных заказов после прекращения войны в Корее. Активизировало свою деятельность Общество японо-советской дружбы.

22 мая группа из 30 членов японского парламента, представлявших различные политические партии и выступавших за скорейшую нормализацию отношений между двумя странами, устроила в здании парламента прием в честь главы советского представительства. На этой встрече Тихвинский выступил с краткой речью, посвященной нормализации советско-японских отношений. При этом он подчеркнул, что СССР в своей международной политике руководствуется принципами мирного сосуществования стран с различными общественно-политическими системами, который получил широкое международное признание, в том числе на Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции в июле 1955 г., породившем новый термин "дух Женевы"⁵⁶. Эта встреча с японскими парламентариями получила широкое и весьма благоприятное освещение в японских средствах массовой информации.

Но оказалось, все было не так просто. В день возвращения делегации японских рыбопромышленников из Москвы 26 мая было опубликовано заявление министра иностранных дел М. Сигэмицу, в котором он, хотя и поддержал достигнутое И. Коно соглашение о рыболовстве, потребовал, чтобы на предстоящих переговорах с СССР прежде всего МИД определял позицию делегации. Это заявление Сигэмицу отражало позицию проамериканской группировки в правящих кругах Японии, действуя порой по указке США, она сделала все возможное, чтобы осложнить советско-японские отношения. Госсекретарь США Дж. Даллес даже угрожал японцам, согласно сообщениям печати, навсегда отобрать у Японии острова Рюкю, если она согласится с положениями Сан-Францисского договора по территориальным вопросам в пользу Советского Союза⁵⁷.

Премьер-министр Хатояма вынужден был принять требование Сигэмицу и назначил его главой делегации на переговорах в Москве, но одновременно он включил в состав делегации второго полномочного представителя Мацумото, бывшего главу японской делегации на переговорах в Лондоне. 25 июля делегация отбыла в Москву. Среди многочисленных провожающих был и Тихвинский. Но Сигэмицу остался верен себе и всемерно тормозил поиски возможного соглашения с СССР. В середине августа переговоры были вновь приостановлены, и Сигэмицу отбыл в Лондон, где находился тогда Даллес в связи с проходившей там Конференцией по вопросу Суэцкого кризиса, чтобы получить от него соответствующие инструкции. США, уже не стесняясь, открыто вмешивались в ход японо-советских переговоров, вручив 8 сентября 1956 г. памятную записку Сигэмицу, в которой, обозначив контуры возможного соглашения, выступили категорически против соглашения по территориальному вопросу⁵⁸.

Но японские сторонники нормализации отношений с СССР все же настаивали на продолжении переговоров в Москве. Тихвинский чутко уловил эти настроения и провел ряд встреч с политическими деятелями Японии.

⁵⁶ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 132.

⁵⁷ Там же, с. 143.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 146, оп. 456, п. 149а, д. 1, л. 87–88.

Воспользовавшись тем, что И. Коно приглашал его обращаться к нему в случае возникновения трудных вопросов, С.Л. Тихвинский провел с ним ряд неофициальных зондирующих бесед, в которых принимал участие также и министр без портфеля Т. Такасаки, исполнявший в то время обязанности министра иностранных дел. В ходе этих бесед выяснилась возможность урегулирования советско-японских отношений без заключения официального мирного договора⁵⁹. Это было чем-то новым в дипломатической практике.

В результате трудных, но доброжелательных бесед С.Л.Тихвинского с японскими министрами, о них он регулярно информировал Москву, получая добро, а порой и подсказку некоторых вопросов, был выработан текст послания премьер-министра Японии И. Хатояма от 11 сентября 1956 г. на имя председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина⁶⁰. Ответ не заставил себя долго ждать: 13 сентября Булганин в письме сообщил, что советское правительство подтверждает свою готовность возобновить в Москве переговоры о нормализации японо-советских отношений без заключения мирного договора⁶¹.

Тихвинский опять оказался в центре политических и дипломатических событий. Именно его имя связано теперь не только с установлением дипломатических отношений с КНР, но и с нормализацией дипломатических отношений с Японией.

7 октября Тихвинский провожал японскую делегацию во главе с премьер-министром Хатояма в Москву. В состав многочисленной японской делегации вошли Коно и Мацумото.

В Москве японская делегация была встречена со всеми государственными почестями. Ее пребывание широко освещалось в японских средствах массовой информации. В результате состоявшихся с 13 по 19 октября 1956 г. советско-японских переговоров, в которых принимали участие Булганин, Хрущев, Громыко и другие, была подписана 19 октября Совместная декларация. В ней фиксировался ряд договоренностей международно-правового характера, в том числе прекращение состояния войны между двумя государствами, восстановление между ними дипломатических и консульских отношений, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга, взаимный отказ от претензий друг к другу. Обе стороны согласились вступить в ближайшее время в переговоры по заключению торгового договора и др.⁶²

Одновременно с Совместной декларацией, которая как международно-правовой документ подлежала ратификации парламентами двух стран, был подписан протокол о развитии торговли и предоставлении взаимного режима наиболее благоприятствующей нации⁶³.

Подписание этих документов встретило одобрение большинства японского народа. 27 ноября Совместная декларация и другие подписанные в Москве документы единогласно были ратифицированы нижней палатой японского парламента, а 3 декабря – верхней палатой. 8 декабря 1956 г. император Японии Хирохито утвердил ратификацию Совместной декларации и других документов. В тот же день эти документы были ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР. Возобновление дипломатических отношений между двумя странами стало фактом.

Начался новый этап в советско-японских отношениях, когда на первых порах наше представительство заваливали приветствиями и цветами. На устроенный Тихвинским прием по случаю национального праздника, очередной годовщины Октябрьской революции, пришло свыше 600 гостей, в том числе 4 члена кабинета министров, более

⁵⁹ Березин В.Н. Указ. соч., с. 91.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 146, оп. 45 б, п. 149а, д. 1, л. 5.

⁶¹ Там же, л. 6.

⁶² Там же, л. 14–17.

⁶³ Там же, л. 18–19.

40 членов обеих палат парламента, лидеры левых партий, сотрудники многих дипломатических представительств, а также деятели профсоюзов, науки и культуры⁶⁴.

Тихвинский посещал многие встречи, устраиваемые представителями деловых кругов, заинтересованных в развитии торговых отношений с Советским Союзом, давал интервью японским газетам и журналам. 14 ноября он выступил с краткой речью в крупном городе Осака, где на торжественном собрании, посвященном советскому национальному празднику и восстановлению японо-советских отношений, собралось около 4 тыс. человек. Аналогичный прием, организованный филиалом Общества японо-советской дружбы, состоялся 18 декабря в портовом городе Нагоя⁶⁵.

Но были и отдельные эксцессы, как, например, 12 ноября, когда группа фашиствующих молодчиков попыталась проникнуть в здание представительства, сломав металлические ворота и побив стекла при входе. Потребовались мужество и смелость Тихвинского, чтобы в отсутствие в тот момент соответствующих сотрудников представительства принять необходимые меры и вызвать полицию. В этой провокации участвовало примерно 200 молодчиков. Конечно, Тихвинский заявил официальный протест японскому МИД в связи с этим инцидентом. Пресса в подавляющем большинстве резко осудила этот акт бесчинствовавших представителей ультраправых организаций в момент единодушного стремления японского народа к дружбе со своим северным соседом.

После ратификации 8 декабря советско-японской Совместной декларации Тихвинский известил МИД Японии о закрытии 12 декабря представительства СССР в Японии и об открытии 14 декабря 1956 г. посольства СССР. Поверенным в делах был назначен С.Л. Тихвинский. В этом качестве он был приглашен на традиционный новогодний прием, который устраивал император Японии. Участие в этой торжественной церемонии было чем-то необычным и надолго запомнилось Сергею Леонидовичу⁶⁶.

В тот же день он получил возможность выступить по токийскому радио с новогодним поздравлением жителей японской столицы. В своем приветствии он напомнил, что истекший год ознаменовался восстановлением дипломатических отношений между двумя странами, что дает основу для дальнейшего всестороннего развития отношений, взаимовыгодной торговли, расширения научных и культурных связей⁶⁷.

Воспользовавшись многочисленными приглашениями, поступившими в посольство от различных общественных организаций и мэров портовых городов, Тихвинский совершил несколько поездок в различные города Японии, чтобы лучше познакомиться с жизнью страны.

27 января 1957 г. в Токио прошел с большим успехом вечер японо-советской дружбы. С приветственной речью к собравшимся обратился Тихвинский. Затем состоялся концерт.

С начала 1957 г. в советское посольство стали постепенно прибывать дипломаты из Москвы и обслуживающий персонал. После длительных переговоров с МИД Японии численность аппарата посольства определили в 55 человек. Послом СССР в Японии был назначен бывший первый заместитель председателя Совета министров СССР И.Ф. Тевосян. Это свидетельствовало о большом значении, которое Москва придавала отношениям с Японией.

13 февраля 1957 г. первый советский посол в Японии после войны с группой сотрудников посольства прибыл в Токио. Через неделю, 20 февраля, он вручил свои верительные грамоты императору Японии. Тихвинский сопровождал посла во время этой церемонии.

⁶⁴ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 155.

⁶⁵ Там же, с. 156–157.

⁶⁶ Там же, с. 162–164.

⁶⁷ Там же, с. 165.

В тот же день посол пригласил Тихвинского в свой кабинет "для доверительного разговора". Он предложил ему после кратковременного отпуска в Москве, забрав семью, вернуться в Токио, став его заместителем. Но Тихвинский решительно отказался, сказав, что он уже более трех лет, находясь за границей в Лондоне и Токио, не может издать книгу, написанную на основе его докторской диссертации. К тому же он не может привезти в Японию свою семью – жену и двоих детей школьного возраста, так как в Токио нет школы при посольстве.

Выслушав собеседника, посол признал его аргументы убедительными и в свою очередь открыл "секрет" о возможном назначении Тихвинского заведующим одним из отделов создаваемого Государственного комитета по культурным связям (ГККС) Совета министров СССР, которому предстоит работать в тесной связи с МИД СССР. Возглавлять ГККС поручено бывшему заместителю главного редактора газеты "Правда", видному журналисту-международнику Г.А. Жукову⁶⁸.

После этой беседы Тихвинский стал собираться домой. Правда, ему пришлось еще поучаствовать в переговорах советской делегации во главе с первым заместителем министра рыбной промышленности Кутаревым с японцами об установлении квот вылова в 1957 г. дальневосточных лососевых рыб, а также нанести прощальные визиты японским друзьям и коллегам по дипкорпусу, занявшие немало времени. Только 15 марта 1957 г. он покинул Японию и через Гонконг и КНР возвратился в Москву.

Предсказание Тевосяна подтвердилось, и Тихвинскому пришлось еще в течение трех лет продолжить "государеву службу" в ГККС, хотя работа там была не столь сложной, как в посольстве, прежде чем всецело перейти на научную работу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИД

Прошло несколько лет. С.Л. Тихвинский успешно работал на ниве науки и просвещения. Неожиданно ему позвонил заведующий Отделом заграничных кадров ЦК КПСС А.С. Панюшкин, под началом которого он начинал свою дипломатическую службу в Китае, с предложением перейти на работу в МИД, где создавалось новое Управление по планированию внешнеполитических мероприятий (УПВМ). Несколько позже от секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова он узнал, что идея создания такого управления возникла в связи с информацией посла СССР в США А.Ф. Добрынина о деятельности Совета национальной безопасности США⁶⁹.

Несмотря на неоднократный отказ С.Л. Тихвинского принять это предложение, 16 ноября 1965 г. министр А.А. Громыко внес в ЦК КПСС предложение о назначении его заведующим отделом Азии УПВМ, которое было одобрено⁷⁰.

25 декабря 1965 г. Тихвинский возвратился на работу в МИД СССР. В его отделе собрались квалифицированные специалисты, работавшие ранее в различных странах Южной Азии и Дальнего Востока – Индии, Пакистане, Таиланде, Японии.

Однако его отдел был одним из четырех отделов УПВМ, которое включало также отделы Европы, Африки и Америки. Но руководителями УПВМ были хотя дипломаты и высокого ранга, занимавшие посты заместителей министра, но в основном специалисты европейского направления. Отсюда и мыслили они, исходя из европейских реалий. Поэтому задача, поставленная перед Тихвинским как руководителем отдела Азии, состояла в том, чтобы разработать некое подобие европейской структуре коллективной безопасности в Азии с участием всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Этим вопросом, наряду со многими другими, его отдел занимался несколько лет. Нередко разработки, подготовленные отделом, активно использовались в выступлениях руководства государства как внутри страны, так и за рубежом. Вопросам создания системы коллективной безопасности в Азии было уделено должное внимание на

⁶⁸ Там же, с. 172–173.

⁶⁹ Там же, с. 189–191.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 0516, л. 61.

международных общественных форумах, в том числе на Международной конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии в мае 1973 г. в Дакке (Бангладеш) и на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве в октябре 1973 г.

Хотя идея коллективной безопасности в Азии находила поддержку общественности многих стран, но на правительственном уровне она "не получила одобрения ни в одной из стран Азии", отмечает Тихвинский⁷¹.

Последующее развитие международной обстановки, успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, проведенное в 1975 г. в Хельсинки, переговоры в США по противоракетной обороне, окончание "культурной революции" в КНР отвлекли внимание руководства СССР от продвижения идеи создания системы коллективной безопасности в Азии⁷².

Тихвинский понял это гораздо раньше, вновь переключившись негласно на научную работу и разработку близких ему китайских проблем. В январе 1969 г. состоялась 2-я Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы, на которой он был избран не только членом правления Общества, но и одним из заместителей председателя. Еще в декабре 1967 г., по представлению Громыко, ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР⁷³.

Он активно подключился к разработке вопросов, связанных с улучшением советско-китайских отношений, хотя продвижение в этом вопросе шло очень медленно. Развязанная "бандой четырех" "культурная революция" привела даже в 1969 г. к вооруженному конфликту. Проведенная по инициативе Советского Союза встреча председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем 11 сентября 1969 г. на аэродроме в Пекине дала импульс к некоторому ослаблению напряженности. Была достигнута договоренность о прибытии в Пекин советской правительственной делегации для переговоров о нормализации обстановки на границе. Такая делегация во главе с первым заместителем министра иностранных дел В.В. Кузнецовым прибыла 18 октября в Пекин. В состав ее вошел и С.Л. Тихвинский. Вяло текущие переговоры продолжались до марта 1970 г., когда был сделан перерыв.

Еще в 1968 г., наряду с заведованием отделом Азии УПВМ, на него была возложена обязанность представлять Советский Союз в Исполнительном Совете ЮНЕСКО. Дважды в год он выезжал в Париж в краткосрочные командировки на сессии Исполсовета ЮНЕСКО и на Генеральную конференцию этой организации.

Продолжалась и его научно-педагогическая деятельность. В 1968 г. С.Л. Тихвинского избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Шли годы, и работа в УПВМ его все меньше удовлетворяла. Управление занималось то подготовкой четырехстороннего соглашения по Западному Берлину (1971 г.), то подготовкой Общевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1972–1975 гг.), то проблемами разоружения. Эти вопросы не входили в компетенцию его отдела, а больших подвижек на китайском и японском направлениях не ожидалось. Поэтому Тихвинский долго не раздумывая, когда Громыко предложил ему пост начальника Историко-дипломатического управления (ИДУ). К тому же это формально для него было повышением по службе, хотя, имея ранг посла и звание члена-корреспондента АН СССР, он в этом особенно и не нуждался.

ВО ГЛАВЕ ИСТОРИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МИД

В августе 1975 г. назначение состоялось официально. С.Л. Тихвинский – маститый ученый, известный китаист, именно по этой причине мы мало знали его, поскольку большинство руководящих сотрудников управления были "немцы". Тем не менее все

⁷¹ Тихвинский С.Л. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия, с. 194.

⁷² Там же.

⁷³ АВП РФ, ф. 0516, л. 63.

его регалии давали нам повод надеяться, что с приходом нового руководителя повысится авторитет нашего подразделения в МИД, который несколько пошатнулся в период пребывания необязательного "опального" начальника М.А. Харламова, связанного с именем непредсказуемого Н.С.Хрущева. Нам, конечно, не было известно, что Громыко, хорошо знавший Тихвинского по дипломатической и научной работе, предложил ему этот пост еще до отъезда Харламова в США на руководящую работу в представительство СССР при ООН.

Сергей Леонидович, возглавив ИДУ, не привел с собой "своих людей", как это нередко бывает, а работал с теми, кто уже был или кого присылало иногда управление кадров. К тому же два его заместителя, В.И. Мазаев и А.А. Маслаков, возглавлявшие основные отделы ИДУ – Архив внешней политики России (теперь – Российской империи) и Архив внешней политики СССР (теперь – Российской Федерации), были опытными дипломатами и ответственными сотрудниками, хорошо знавшими порученные им участки и болевшими за дело. Скоро Сергей Леонидович понял, что он мог на них всецело положиться.

К сожалению, внезапно в 50-летнем возрасте умер его заместитель по Архиву внешней политики СССР А.А. Маслаков, находившийся в отпуске. Курировал работу архива в это время тоже "немец", автор этих строк, занимавший тогда должность советника.

Управление кадров очень скоро прислало в архив своего человека, чтобы тот возглавил отдел. Однако С.Л. Тихвинский сделал свой выбор вопреки рекомендации управления кадров. Этому предшествовала своеобразная проверка. Однажды вечером, часов в семь, т.е. после окончания рабочего дня, в моем кабинете раздался звонок. Поднимаю трубку и слышу его голос: "Ты что здесь делаешь?". Ответил: "Работаю". "Пора заканчивать", – коротко сказал он. Такие звонки Сергея Леонидовича по различным поводам были еще раза два-три, а затем прекратились.

А с моим "конкурентом" произошел казус. Беседуя с ним по прошествии двух-трех месяцев, Тихвинский спросил его, где находится комната "Г". Тот не смог ответить и спросил: "Что это такое?". Для Тихвинского, просматривавшего лежащий у него на столе график дежурств сотрудников по архиву, стало ясно, что претендент за это время не удосужился даже узнать, где сидят сотрудники архива.

Особенностью аппаратной работы в министерстве было то, что право подписи под исходящими документами имел только начальник управления или его заместители. Поскольку Архив внешней политики СССР, а теперь Российской Федерации (АВП РФ), был и остается самым оперативным отделом ИДУ, то очень скоро меня назначили и.о. заместителя начальника ИДУ, чтобы я мог самостоятельно отвечать на многочисленные запросы, поступающие в ИДУ или непосредственно в АВП СССР.

Почти пять лет мне посчастливилось работать в постоянном контакте с Сергеем Леонидовичем, от которого я многому научился. Прежде всего бросались в глаза его организованность и работоспособность. Не будучи особенно разговорчивым, он ценил свое и рабочее время сотрудников и не тратил его на всякую пустопорожную болтовню, в том числе и на так называемых "оперативках", прерывая иногда особо разговаривавшегося. Он не любит сплетен и не поддерживал наши различные кулуарные чиновничьи гадания, кого и куда хотят назначить и т.д.

В то же время он остается исключительно внимателен к людям, с которыми работал. Вот характерный пример. Случилось так, что, когда Тихвинский пришел в ИДУ, я лежал в загородной больнице МИД по поводу профилактики язвенной болезни. Ему, конечно, рассказали, что до этого у меня было прободение язвы 12-перстной кишки и большая потеря крови. Потребовалась донорская кровь. Ее предложили несколько сотрудниц ИДУ. Подошла, правда, лишь кровь нынешнего начальника АВП РФ Н.П. Мозжухиной. Я выжил, и даже не потребовалось тогда оперативного вмешательства. С тех пор я был связан с работой архива. Прошло более 30 лет, но Сергей Леонидович, встречая меня в Институте Дальнего Востока, где я посещаю руководимые им семинары, нередко спрашивает: "А как Ваши кишочки?".

Тихвинский, познакомившись с работой ИДУ, очень скоро вник в суть существовавших проблем. С некоторыми вопросами деятельности ИДУ он был уже знаком. В 1963 г. он вошел в состав Комиссии по изданию дипломатических документов, которую возглавлял Громыко. От имени этой комиссии, созданной в 1956 г. по решению Политбюро ЦК КПСС, издавалась серия "Документы внешней политики СССР", т.е. публиковались архивные документы МИД СССР, а также другая документальная серия "Внешняя политика России XIX и начала XX века", в которой публиковались документы Российского министерства иностранных дел.

Подготовкой к изданию упомянутых серийных публикаций занимался самостоятельный отдел публикаций дипломатических документов, существовавший при ИДУ и возглавлявшийся к.и.н. Г.К. Деевым.

В настоящее время в результате преобразований в МИД России этот отдел слился с Историко-документальным департаментом МИД.

А тогда в ИДУ был свой редакционно-издательский отдел, созданный в 1958 г. наряду с научно-исследовательским отделом для активной разработки архивных материалов. Инициатором этого решения был И.Н. Земсков, ставший впоследствии заместителем министра. С.Л. Тихвинский активно продолжил все лучшее, что было сделано до него.

Будучи не только дипломатом, но и ученым, он прекрасно понимал важность использования архивных документов в научных разработках. Поэтому он активно поддерживал инициативную деятельность бессменного руководителя редакционно-издательского отдела Р.В. Сушкиной. Одновременно он стремился также сохранить дееспособность научно-исследовательского отдела, занимавшегося подготовкой секретных обзоров и справок об отношениях СССР с другими странами для отделов МИД и даже первых лиц государства, выезжающих с визитами в ту или иную страну. Но отделу как-то не везло. Его руководители часто менялись после ухода на научную работу В.Я. Сиполса.

Тогда у С.Л. Тихвинского появилась идея переиздать "Дипломатический словарь", поскольку в международных отношениях появилось много новых имен и терминов после Хельсинкского совещания на самом высоком уровне и начавшейся разрядки. Большая часть сотрудников научно-исследовательского отдела стала заниматься "Дипсловарем". Возглавил эту работу В.В. Кузьмин. А вернувшийся из ГДР Г.П. Кынин, тоже "немец", ранее работавший в ИДУ, стал заместителем С.Л. Тихвинского. Он поднял работу научно-исследовательского отдела на должный уровень.

В общем публикаторская и научная стороны деятельности управления Сергею Леонидовичу были хорошо знакомы. Непосредственно же с архивными вопросами, кроме работы в читальном зале архива, ему сталкиваться не приходилось.

Одной из самых острых проблем, ставших перед ним в ИДУ, было отсутствие резервных площадей для ежегодно поступающих на хранение в Архив внешней политики СССР новых документов и материалов. Вопрос о строительстве нового здания архива был поставлен еще в середине 60-х годов, но потребовались умение и энергия Тихвинского, чтобы завершить через десять лет начатое дело. В 1977 г. здание, хотя и по повторно примененному проекту и с недоделками, все же было построено. Более того, ему удалось выбить деньги в инвалюте (что тогда было совсем не просто!) для закупки нового финского стеллажного оборудования. Потребовались также усилия, чтобы добиться установки противопожарной и охранной сигнализации. Летом 1978 г. новое здание архива было принято в эксплуатацию, и первая партия архивных дел была размещена по адресу – Плотников переулок, дом 11.

5 июня 1979 г. С.Л. Тихвинский организовал официальное открытие нового здания архива. На это торжество были приглашены ответственные сотрудники аппарата ЦК КПСС, руководство Главного архивного управления при Совете министров СССР, директора архивов, представители академических институтов, занимающихся историческими проблемами, Е.М. Жуков, А.Л. Нарочницкий, А.О. Чубарьян, В.Я. Сиполс, Д.Ф. Марков и др.

Но за этим торжеством последовала будничная работа. Эпопею с перемещением многих сотен тысяч архивных дел, весящих более 400 т, осуществленным в основном женскими руками архивных работников, никогда не забудут ветераны и нынешние руководители ИДД и АВП РФ Е.В. Белевич и Н.П. Мозжухина. В общем это был безымянный подвиг. При этом справочная и оперативная работа архива не прекращалась ни на один день. Конечно, в этот период досталось и мне, как заместителю начальника ИДУ по Архиву внешней политики СССР.

Сергей Леонидович активно поддержал идею архивных работников о сборе материалов личного происхождения – воспоминания, личная переписка, грамоты, фотоматериалы и многое другое. Тогда же был впервые создан фотофонд, в котором ныне имеется более 5 тыс. единиц хранения.

Старейшие работники архива (Л.С. Митрофанова, А.П. Бурова, И.А. Брицкая и др.) организовали в новом здании архива, где имелся большой зал, постоянно действующую выставку документов и материалов по истории советской дипломатической службы и внешней политики СССР. Экспозиция оказалась по тем временам настолько интересной, что ее посещали не только сотрудники ИДУ, студенты МГИМО, но и нередко сотрудники отделов МИД, занимающиеся странами Восточной Европы, которые пользовались случаем показать ее иностранным делегациям, приезжающим в нашу страну на межмидовские консультации.

В новое время эта экспозиция стала основой развернутой на пятом этаже центрального здания МИД более широкой и фундаментальной экспозиции архивных документов и материалов не только советского, но и российского периодов истории внешней политики и дипломатии России.

По инициативе Тихвинского вопрос об издательской деятельности ИДУ был поставлен 29 июля 1977 г. на заседании Коллегии МИД, которая, одобрив проделанную управлением работу, обратила внимание на необходимость ее дальнейшего совершенствования и расширения. Обсуждение этого вопроса на Коллегии МИД показало, что Тихвинский в кратчайший срок сумел изменить отношение к ИДУ как к какому-то второстепенному подразделению.

9 декабря 1977 г. Тихвинский постановлением Совета министров СССР был назначен членом Коллегии МИД. В соответствующей записке в Совмин СССР Громыко писал: "Тов. Тихвинский является высококвалифицированным, инициативным и вдумчивым работником, имеющим большой опыт руководящей дипломатической работы"⁷⁴. В том же году Сергей Леонидович был награжден орденом Октябрьской революции.

Все это давало новый импульс к активизации всей деятельности ИДУ. Значительно расширились связи и сотрудничество ИДУ с территориальными отделами МИД, а также с институтами АН СССР. Некоторые сборники документов готовились в ИДУ совместно с академическими институтами, например по Польше и Чехословакии.

Много внимания было уделено такому важному проекту, как переиздание переписки И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в период Великой Отечественной войны, а также "Документов и материалов кануна Второй мировой войны. 1937–1939 гг."

Одновременно шла работа над фундаментальным изданием в шести томах под общим названием "Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны". Тома, вышедшие в 1978–1980 гг., включали материалы Московской, Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций, конференций представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-оксе, а также документы международной конференции в Сан-Франциско, на которой была создана Организация Объединенных Наций. За участие в создании шеститомника С.Л. Тихвинский был удостоен Государственной премии СССР.

⁷⁴ Там же, л. 107.

Наряду с упомянутым изданием была развернута работа по подготовке сборников документов об отношениях СССР с США, Великобританией и Францией в годы Великой Отечественной войны. Вышло еще шесть томов. В них отражена подлинная дипломатическая история Второй мировой войны.

В этот период Тихвинский ведет активную дипломатическую работу, встречаясь с дипломатами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, с которыми уже установилось тесное сотрудничество в области совместных публикаций дипломатических документов, и налаживает новые связи для развития будущих проектов. Так, была форсирована подготовка совместного сборника "Россия и США: становление отношений. 1765–1815 гг.", советско-чехословацкого сборника "Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 гг." К 50-летию установления дипломатических отношений между двумя странами был издан сборник "Советско-французские отношения. 1965–1976 гг." Впервые вышел в 1981 г. совместный сборник документов о советско-мексиканских отношениях в 1968–1980 гг. Для ведения переговоров по изданию этих сборников Тихвинский побывал в столицах многих государств Европы и Америки. Важное значение для истории вопроса имеет вышедший в то время сборник "Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и его реализация. 1971–1977 гг.", о котором теперь мало кто знает, за исключением узких специалистов.

Над всеми этими сборниками работали конкретные сотрудники. Сергей Леонидович не только спрашивал с них работу, но и умел поощрять наиболее отличившихся, находя для этого различные возможности (премирование, заграникомандировки, которые в то время имели и материальный стимул).

Нередко и я сам, пользуясь его благосклонностью, обращался к нему не только как к руководителю управления, но и как к главному редактору журнала "Новая и новейшая история" с просьбой опубликовать статью, написанную на архивных материалах. В то время как-то не принято было, чтобы сотрудники МИД защищали диссертации, публиковали статьи и книги. Видимо, еще помнили изданный в начале 50-х годов приказ Вышинского, не поощрявшего эту деятельность. Уже в новой России наши дипломаты стали активно публиковать свои мемуары, от чего историческая наука только выиграла.

В этом отношении Сергей Леонидович уже тогда придерживался иной точки зрения. Он сам работал и учился, публиковал статьи и книги и всемерно помогал тем, кто был склонен к научной работе. Нередко он мне говорил: "Вы же профессор. Столько знаете, работая в уникальном архиве. Неужели не найдете время, чтобы оформить диссертацию". Это слово "оформить" меня тогда особенно поразило. Я последовал его совету и защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию. Но, несмотря на его настойчивые пожелания, которые совпадали с предложением проф. А.А. Ахтамзяна, руководителя моей кандидатской диссертации, сразу же перейти к докторской диссертации, сделать это так и не удалось.

Новое руководство ИДУ после перехода С.Л. Тихвинского на другую работу сочло возможным несколько умерить мой научный пыл, организовав против меня даже целое "дело". Но Сергей Леонидович, уже не работая в МИД, тем не менее проявил добропорядочность, поставив свою подпись под реабилитирующим меня документом. Это еще один штрих, характеризующий Тихвинского не только как дипломата, но и как Человека с большой буквы.

Но продолжим рассказ о деятельности С.Л. Тихвинского в ИДУ.

Воспользовавшись тем, что 29 сентября 1978 г. вышло Постановление Совета министров СССР "Об улучшении организации архивного дела в центральных государственных архивах СССР", С.Л. Тихвинский добился, чтобы этот важный вопрос, непосредственно касавшийся архивных отделов, был поставлен на обсуждение Коллегии МИД.

Заседание коллегии состоялось 28 августа 1979 г., на котором с докладом о работе ИДУ выступил С.Л. Тихвинский. Председательствовал на коллегии первый заместитель министра В.Ф. Мальцев, проработавший на посольских должностях в Швеции,

Финляндии, Индии 12 лет и 2 года в центральном аппарате и имевший к тому времени солидный дипломатический опыт. Состоялось обстоятельное обсуждение работы ИДУ, его достижений и определенных недоработок. Достаточно сказать, что выступили руководящие сотрудники ряда важнейших отделов МИД – М.М. Деев (4ЕД), А.Л. Адамишин (1ЕД), Р.А. Сергеев (УПВМ), В.П. Терехов (3ЕД), а также заместители министра И.Н. Земсков, А.М. Пегов, В.Ф. Мальцев. В принятом постановлении одобрялись основные направления деятельности ИДУ и поручалось руководству принять все меры по устранению отмеченных в выступлениях недостатков и одновременно давалось указание соответствующим отделам МИД оказать помощь ИДУ кадрами и новой техникой. В связи со строительством нового здания архива штаты ИДУ были увеличены на 17 единиц, что имело большое значение для нормальной работы отдела.

Но Тихвинский не довольствовался положительной оценкой его работы, чтобы почитать на лаврах, а явился мотором новых проектов. При нем были проведены две международные документальные выставки, посвященные 50-летию установления дипломатических отношений с Францией и 30-летию Договора о дружбе и сотрудничестве СССР с Финляндией.

Большое внимание он уделял отношениям со странами Востока. К этому толкала сама жизнь. Прежде всего, под его руководством была проделана большая работа в архивных отделах ИДУ для подготовки сборника документов о становлении русско-китайской границы. Он сам в составе советской делегации неоднократно выезжал тогда в Китай для участия в переговорах по этому вопросу. Были подготовлены также сборники документов об отношениях СССР с Японией и Индией для внутреннего пользования. Единственные сборники со странами Востока, которые тогда увидели свет, это – "Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945–1980 гг. Документы и материалы", ответственным редактором которого был Тихвинский, "Советско-монгольские отношения. 1921–1974 гг." в двух томах, подготовленный совместно с МИД Монголии при участии главных архивных управлений двух стран, а также сборник "Советский Союз – Вьетнам. 30 лет отношений. 1950–1980 гг."

С руководителями Главного архивного управления (ГАУ) при Совете министров СССР И.Ф. Долгих и Ф.М. Вагановым С.Л. Тихвинский поддерживал постоянный контакт, он был членом коллегии ГАУ при Совмине СССР, публиковал статьи в их журнале "Советские архивы". В качестве начальника ИДУ МИД он входил в состав советской делегации архивистов, участвовавших в работе VIII и IX Международных конгрессов архивов, проходивших в Вашингтоне (1976 г.) и в Лондоне (1980 г.).

Выступая на конгрессе архивистов в Вашингтоне, он, опираясь на положения Заключительного акта только что закончившегося в 1975 г. Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, призвал архивистов содействовать расширению доступа читателей и исследователей к тем архивным материалам, которые способствуют укреплению мира и безопасности.

Во время деятельности на посту начальника ИДУ он продолжал свою работу в качестве члена Исполнительного совета ЮНЕСКО и дважды в год выезжал в краткосрочные командировки в Париж на сессии совета, а также на Генеральную конференцию этой организации.

Кроме того, он участвовал в работе Международного совета архивов, сессии которого проводились в 1976 г. в Кальяри (остров Сардиния) и в 1978 г. в Найроби (Кения).

В 1978 г. в связи со 150-летием установления российско-бразильских отношений Тихвинский по предварительной договоренности с МИД Бразилии посетил столицу этой страны и передал документы о ранних консульских и дипломатических отношениях между двумя странами. Хотя сама церемония передачи документов была свернута в связи с трауром в стране, но сам факт такого сотрудничества имел широкий резонанс. Именно после этого визита Тихвинского ИДУ наладило сотрудничество с МИД многих латиноамериканских стран по совместной публикации документов. Такие совместные сборники документов вышли с Аргентиной, Венесуэлой, Колумбией, Кубой, Перу, Уругваем и др.

Наряду с документальными публикациями Тихвинский активно сотрудничал в подготовке четвертого переработанного и насыщенного новыми фактами научного труда "История внешней политики СССР" (в 2-х т.), а также в работе над вторым изданием "Истории дипломатии", где во второй книге пятого тома была опубликована его глава.

Активное участие в научной работе, проводимой ИДУ МИД, не означало его отхода от оперативной дипломатической работы. Во-первых, в качестве члена Коллегии МИД он был в курсе всех основных вопросов, которое решало министерство. Во-вторых, он принимал непосредственное участие в беседах с иностранными дипломатами высшего звена, аккредитованными в Москве. В 1978 г. участвовал в переговорах А.А. Громыко с прибывшим в Москву министром иностранных дел Японии С. Синода. Выезжая часто в заграникомандировки, он и там активно защищал интересы нашей страны в беседах с представителями МИД страны пребывания.

Отличительной особенностью Сергея Леонидовича является его удивительная любознательность, желание увидеть новые места и познакомиться с жизнью людей тех стран, где он побывал. Дипломатическая работа дала ему такую возможность.

Осенью 1980 г. его вызвал А.А. Громыко и предложил пост ректора Дипломатической академии МИД, который освобождался в связи с отъездом бывшего ректора В.И. Попова послом в Великобританию. Формально это было дальнейшим повышением по службе, поскольку он становился руководителем самостоятельного учреждения. Но уходить из ИДУ, где он уже сработался с коллективом, ему тоже не хотелось. Однако отказываться от предложения министра, да еще связанного с повышением по службе, было не принято.

Уход С.Л. Тихвинского из МИД не означал, что он порывает с ним все связи. Он по-прежнему оставался членом Коллегии МИД и был связан с МИД тысячами нитей, поскольку Дипакадемия готовит кадры для того же МИД. Его дипломатическая работа не прерывалась никогда, даже тогда, когда он через шесть лет покинул стены академии.

Работая в Академии наук, он продолжает крепить международные научные связи нашей страны, используя весь громадный дипломатический опыт, который накопил за полвека своей службы.

Дипломатическая судьба С.Л. Тихвинского сложилась очень удачно. Конечно, свою судьбу он сделал сам, избрав изучение китайского языка и историю Китая своей профессией. Его увлечение наукой, прежде всего новой и новейшей историей Китая, удивительным образом сочеталось с активной дипломатической работой. А дипломатическая деятельность познакомила с такими разными общественными деятелями и политиками Китая, как госпожа Сун Цинлин, Го Можо и Цзян Цзинго, с вождями китайской революции Мао Цзедун, Чжоу Эньлаем и другими руководителями Китайской Народной Республики. Но одновременно эти встречи и знакомства обогащали его научные изыскания, придавали им большую достоверность.

Дипломатическая работа позволила ему посетить почти все части света нашей Земли и познакомиться с множеством дипломатов, политиков, ученых и общественных деятелей многих стран и народов. Достаточно напомнить, что он лично известен в нашей стране всем последним министрам иностранных дел России – Е.М. Примакову, И.С. Иванову, С.В. Лаврову. Главное достоинство дипломата, говорила А.М. Коллонтай, это – "искусство завязывать отношения с людьми и развивать эти отношения. Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом"⁷⁵.

Вот этим достоинством С.Л. Тихвинский обладает в совершенстве. Достаточно ознакомиться с его пятью томами "Избранных произведений", а также мемуарами, чтобы убедиться в этом.

⁷⁵ Коллонтай А.М. "Революция – великая мятежница...". Избранные письма. 1901–1952. М., 1989, с. 9.